

С М И Е Ш И А

1

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С М Е Н Ы

Январь ★ № 1 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С М Е Н Ы
В КОМПЬЮТЕРЕ

Влад. Бонч-Бруевич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

I. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ У СЕБЯ ДОМА

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ — Из воспоминаний о Ленине.

- ★
Ованес ШИРАЗ — Почтный каргул.
- ★
Юр. ЖУКОВ — Тайна старого замка.
- ★
Сергей ВАСИЛЬЕВ — Кто она?
- ★
Алексей КОЖЕВНИКОВ — На родной земле.
- ★
А. НОВИКОВ, Е. КАНН — Жизни памятных мата...
- ★
Алексей СУРКОВ — Стихи Марка Соболя.
- ★
Марк СОБОЛЬ — На привале. Сыну, Пасея о молодости. Солдатское счастье.
- ★
Ник. ПОГОДИН — Драматическое начинания.
- ★
Биография книги. А. СТЕПАНОВ — Моя жизнь в Порт-Артуре.
- ★
Платон ИПОПОЛИТОВ — Чемпионы лыжни.
- ★
Иск. А. МОРОЗОВ — Карадаг.
- ★
Календарь «Смены». Кроссворд. Вокруг света.

Рисунки художников Г. Балашова, П. Васильева, Т. Маариния.

На вкладыше: «В ДОЗОРЕ» — фотозапись В. КОВРИГИНА.

На первой странице обложки: «У ВАГРАНКИ» — рисунок художника Г. БАЛАШОВА.

Носа мне приходилось бывать у Владимира Ильича у него дома, меня всегда пораждало и трогало то изумительно товарищеское, глубокое и задумчиво тёплое отношение, которое проявляло он на каждом шагу к Надежде Константиновне и к её матери, которая всегда жила с ними. Надежда Константиновна изво всех сил старалась ничем не обременять Владимира Ильича и дать ему возможность вполне спокойно заниматься теми многими научными и политическими вопросами, которыми он был всегда переполнен. Но это не так-то легко ей доставалось. Владимир Ильич, когда был дома (он часто уходил на многие часы в библиотеки), находился в своей небольшой, чистой, просто обставленной комнатке, внимательно прислушиваясь, что делается в соседней комнате и кухне, где женская половина семьи в известные часы занималась хозяйством.

Нередко бывало, что несмотря на зесьма тихий разговор Владимир Ильич улавливал, что нет к чаю хлеба или надо ещё что-либо купить, и тут вдруг появлялся в растворенной двери и решительно заявлял:

— Ну уж за хлебом это я пойду! Почему ты, Надя, мне раньше этого не сказала?. Должен же и я принимать участие в хозяйстве...

И тут переить Владимиру Ильичу было нельзя: он мигом одевался и уходил в соседнюю комнату или лавочку и приносил всё, что было надо.

— А это по какому личному выбору? — торжественно заявляла Надежда Ильич, вынимая то, что он купил самостоятельно, и быстро уходил к себе в комнату, где продолжал прерванную работу.

Обедав они, пили чай и ужинали в строго установленные часы. Если в это

Статья печатается в сокращённом виде. Возможно она будет опубликована в сборнике воспоминаний о В. И. Ленине, выпускаемом издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

время приходил кто-либо из товарищей, Владимир Ильич самым внимательным образом уживался зашедшим, угощая его всем, что было на столе.

Ещё большее внимание постоянно оказывала Владимир Ильич своей тёще, матери Надежды Константиновны. Она нередко показывала. Надо было видеть, как Владимир Ильич заботился о ней: сам ходил за доктором, покупал лекарства и обдарила больную, то что-либо рассказывая ей, то смеясь над чем-нибудь, то просто мило шутил.

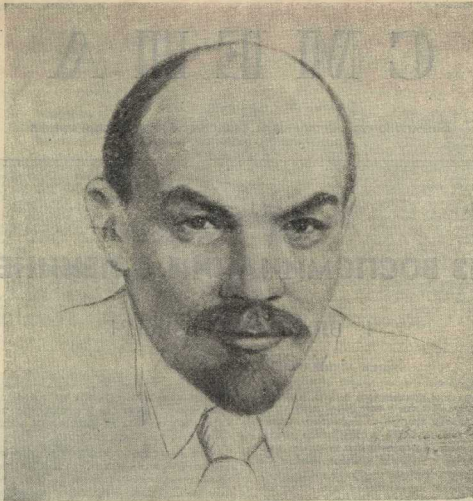
— По время болезни самое главное, — говорила Владимир Ильич, — не надо падать духом.

И мы знаем, как он сам давал этому разительный пример, терпеливо вынося адскую боль при воспалении межреберных нервов — болезни, которой он нередко болел. Изумительную стойкость проявлял он во время Женевского съезда «Лиги заграничных социал-демократов», когда сильно расшибся, упав на всём ходу с велосипедом, застрявшего в колесе трамвайного рельса. Перевязав в ближайшей аптеке расшибавший глаз, он явился на съезд в чёрной повязке и несмотря на ужасную боль не покинул заседания, сделав в этот же вечер большой доклад по поводу съезда партии и раскола на неё.

Кто не знает, какое мужество проявлял он во время своего ранения в августе 1918 года! Отнесись так к собственным заболеваниям, он особо внимательно относился ко всем, кто заболела около него.

Его отношения с Надеждой Константиновной могут служить действительным образцом настоящей социалистической семьи.

Постоянное внимание, самое дружески-товарищеское отношение, стремление побыть вместе, отдохнуть, поговорить, поделиться и новостями и новыми мыслями, обсудить сообща всё важное в политической жизни и после напряжённой работы

В. И. ЛЕНИН.

Из новых работ художника П. Василева.

отправиться палкой на откос в горы, если это было в Швейцарии, на взоренье — в Англии, в окрестные озера, сады и деревни — в Мюнхене. Владимир Ильич очень любил прогулки, и когда удавалось ему вырваться свободный часок в будни или день отдыха, он сейчас же стремился за город к Надежде Константиновне и ее сестрам, когда они находили его. Он очень дружил с ними, переписывался; тщательно расспрашивал о них товарищей, которые приезжали из России и которые выжидали с ними. Когда заболела Надежда Константиновна базедовой болезнью, Владимир Ильич не только самым внимательным образом заботился о ней, бери на себя многие домашние дела и не позволяя ей переутомляться и волноваться, но перебрал с ней у всех лучших врачей. Когда он убедился, что операция неизбежно должна быть, он просил приехать его знаменитого бернского хирурга профессора Кохера и сам приустроивал в канинго, где делалась эта операция. В течение долгой болезни Надежды Константиновны Владимир Ильич самым внимательным образом изучал много литературы о базедовой болезни, способ ее лечения. Мне не раз приходилось слышать от докторов, что Владимир Ильич, говоря о болезни Надежды Константиновны, рассуждал как заправский специалист. И это особое внимание к Надежде Константиновне он проявлял всегда и везде.

Долго жила зарплатной. Владимир Ильич неотступно следил за состоянием здоровья, настроением и всеми интересами своей матери, Марии Александровны, которую он полюбил больше, чем ни был занят, какие бы самые насущные революционные дела ни брали у него в это время, кивалась, без малейшего остатка, он всегда находил возможность, урывая от

сна и отдыха, обязательно написать ей заботливое, теплое письмо, рассказывая и о себе, и о Надежде Константиновне, и о сестрах, если они были с ним. Одно время Владимир Ильич, после П съезда, жил в Лозанне, на Женевском озере. Мне часто приходилось там бывать по делам нашей организации. И вот однажды, когда Владимир Ильич собрался отправиться в двухнедельное путешествие по Швейцарии, я приехал к нему, чтобы порекомендовать о многих делах и наших изданий, а также ознакомиться, куда переслать самую экстренную почту и газеты. Встретил я Владимира Ильича весьма оживленным.

II. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА НАРОДНОМ ПРАЗДНИКЕ

В декабре каждого года в Женеве широко отмечается народный праздник «Экскавал». Женевцы в эти дни празднуют свой давнишнее освобождение от иноземной зависимости. Город оживает. Устраивается народное представление, ведутся раскрываются карусели, множество палаток со всякими сувенитами. Приезжает народный цирк, тир, различные фокусы, зверинцы и прочие тому подобные развлечения. Но самое интересное — это вечерний карнавал, когда все идет на улицы, наряженные в различные костюмы, в масках. Улицы бегут яркими огнями, фейерверками, пестрыми, пенным. И вот когда у нас в партии страсти раскило из всех сил, когда произошла раскол на большевиков и меньшевиков, наступил декабрь 1904 года. Мы сидели по

— Пойдёте-ка, — сказала он мне, — я покажу вам, какая замечательный подарок мама прислала нам с Надей! — и он быстро, увлекая меня, пошёл к выходной двери.

Мы спустились вниз, во дворик дома. Здесь стояли только что раскинутые новенькие, прозрачные для волосища: один мужской, другой женский.

— Смотрите, какие великолепны! Это всё — Надея надела! Надежда как-то маме, что я люблю ездить на велосипеде, но что у нас своих нет. Мама приняла это к сердцу и коллективно, со всеми нашими, ездочками изрядную сумму, а Марк Тимоневич (это был Елизаров, муж Ани Ильяничны) заказал нам в Берлино два велосипеда через общество «Надежда», где он служил и вот вдруг, громадным из Транспортного общества: «Куда прикажете доставить посылку?» Я подумал, что поругался, как-нибудь налететь, а может быть, это вышло с дачи. Провозел — и вот вам наглядщина! Смотрите, покажу-айте, какие чудесные велосипеды! — говорил Владимир Ильич, осматривая их, гонимый нашим и подвигая гайки. — Ай да мамочка! Вот уружнич! Мы теперь с Надей сами себе господа. Подем не по железной дороге, а прямо на велосипедах.

Надо было видеть, как радовался Владимир Ильич этому неожиданному подарку матери. И это было нам всех нас, что больше всего Владимир Ильич был доволен вниманием к нему и к Надежде Константиновне его матери и его домашним. Это особенно было ему приятно.

Надежда Константиновна все смела и радовалась радости Владимира Ильича.

— Я пойду писать письмо маме, а вы отправите его заказным, — сказала он мне и быстро поднялся во второй этаж пансиона, где была их комната.

— Рад, как ребёнок! — шепнула мне Надежда Константиновна. — Ужасно люблю мать, но не ожидал такого внимания от всех наших и сейчас приехал в восторге. Мы послали навестить, где Надежда Константиновна укладывала всё необходимое в дорожные мешки.

— Мы всё это принимаю к моему велосипеду сразу, на полчаса. Теперь незачем таскать за собой. А вот вам письмо. Пожалуйста, отправьте сейчас же, да не забудете! — повторил мне Владимир Ильич.

И мы, обо всем переговорив и успокоившись об адресе для телеграмм и писем, отпустили по парадной лестнице вниз...

— До свидания, товарищи! Надея, садись! — крикнул он и быстро, взмахом, исчез в коридоре. Надежда Константиновна, раскланиваясь с нами, вышла за ним, и они быстро скрылись за поворотом шоссе, утопавшего в цветущей зелени.

своим устам, изучал документы, готовился к докладам, строил свою новую организацию. Не до веселья было нам. На улицы даже не ткнуло. Вдруг эполет. Входит Владимир Ильич оживленным, веселым.

— Что это мы всё сидим за книгами, угрюмые, серьёзные? Смотрите, какое веселье на улицах! Смех, шутки, пляска. Идите гулять! Все важные вопросы отложим на завтра.

Мы восторженно... Нам было приятно видеть Владимира Ильича таким веселым, бодрым... В последнее время, после съезда, он устал, изнервничался.

Радостно отозвался голоса. Точно все только и ожидал этого призыва, отбавившего из от сумрачного настроения.

Мы шумной толпой вышан на улицу. Погода стояла прекрасная, тёплая. Огни ведку светились радостно, и многозвенная, быстрогочная горная река Арца, которая протекала здесь совсем поблизости, разливалась своим переливающим шумом... Мы звали ещё и ещё к товарищам, всех утаскала с собой на улицу. Шуму и смеху не было конца, и Владимир Ильич был впереди всех. Мы радостной толпой вылились в общее весёлое уличное гулянье, и кричали, и шумели, всё более увлекательным обилием приходящих приветствий. Соревновательные атлеты от нас во все стороны более энергично, чем от других компаний, и мы усердно обменивали конфетти наиболее интеллигентно и живолюбно.

И вот раздались песни. Пели все, пела вся улица — весёлые, бодрые песни, в которых звучали те мотивы «Марсельезы», те призывы «Каньшам», которые пришлось танцовать. Едва ли Владимир Ильич, быстро, энергично схватил нас за руки, мгновенно образовал круг волею нескольких живущих, одетых в мехи, и мы запели, и мы буржуазались, и мы вылезали вокруг них. Те отвечали песней и тоже стали танцовать, круг наш увеличивался, и мы, в общем веселье, несёшь по улице гирляндой, окружая то одних, то других, увлекали всех на своём пути. Нашему примеру последовали многие другие гуляющие здесь, и особенно молодёжь с величайшей радостью подхватывала новую песню, новую шутку, новую пляску.

И надо было видеть, с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением и жарким восторгом подытожилось веселье Владимира Ильича здесь, на улице, среди женской толпы, в которой, конечно, более всего принимала участие рабочий люд, трудившийся население этого богатого городка. Навладелившись догулять,

Ованес Шираз

ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ

Осыпалась листва густая,
Завыли бури и метели,
Вокруг тебя на страже встали
Почётным караулом ели,
Весь груз снегов, что ветер
Сдвинул,
И стужу всю, что жжёт всё слез,
Приняв на плечи, чтоб не стынул
Священный мрамор мавзолея.

Перевод с армянского
Т. Спендиаровой

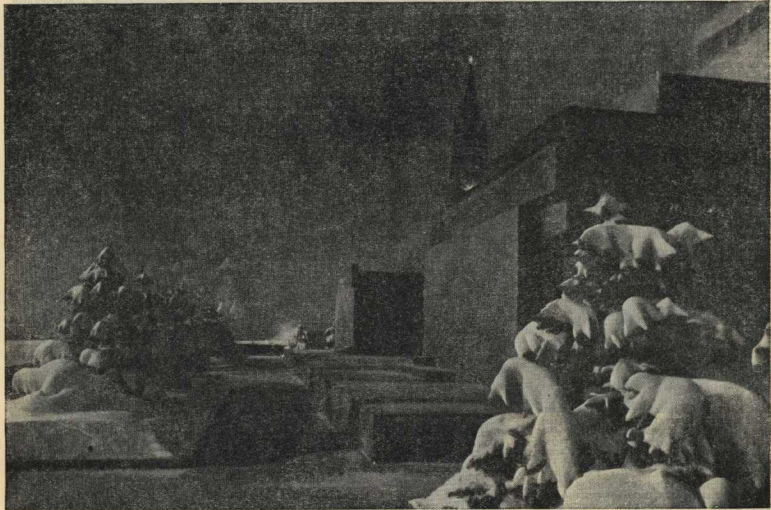
увлеклись с собой многих и многих наших товарищей, которые скромно и чинно гуляли по улицам и с истинным изумлением смотрели на нашу компанию и особенно на Владимира Ильича, который показал себя здесь с иной, глубоко товарищеской стороны, показав свою истинную, живую натуру, умевшую быть и серьёзно

точно серьёзным, и увлекаться весельем, и радоваться радостям жизни, и быть восторженным в шутке и в игре.

И теперь, спустя сорок лет, приятно и радостно вспомнить Владимира Ильича не только бойком, но только революционером, не только генеральным политиком и учеником, но вот таким, простым, жизненным, бодрым, весёлым, выражающим всех своей радостью и предающимся веселью с такой же страстью, с какой он делал серьёзнейшее всё. Вот эта непосредственность, умение пообщаться и ясным образом, прямо, умение участвовать в самой жизни, славиться с ней в её радостных сторонах и вместе с тем всегда быть строгим и собою прекрасно характеризуют Владимира Ильича.

Он горел не от пошлости жизни, мошенничества, глумящего всё живое, трепетное и доблестно-прозрачного, и вместе с тем он откликнулся на великую радость масс, на всё то, что шло к массам, к их счастью, к их борьбе, к их радости, и веселью. Велико думая о жизни угнетённых, стремясь понять и провести в жизнь всё то, что эту жизнь облагораживает, возмущаясь, оштрафовывая, возмущаясь, он сам непосредственно всегда хотел принять живое участие в самой гуще жизни, изучая и познавая её со всех сторон. Таким всегда был Владимир Ильич.

И нет ничего лучше, как ослеплённое познанием сознание воспринимает и себе умение радоваться во всех отношениях на пользу нашего государства, строящего коммунизм, умение учиться и глубоко познавать всё самое необходимое и важное для счастья рабочего класса, умение жить радостно, весело, бодро, как полагаются здоровой молодёжи, удаляясь от всего пологого, мёрзлого, безысходного. Таким всегда был Владимир Ильич.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Фототворчество Ва. Микосян

ТАЙНА СТАРОГО ЗАМКА

С майором Нехаевым и его славными другими мне довелось познакомиться в памятные дни дольней заставы, куда наши армия, вырвавшиеся легочным броском к Висле и занявшие в нескольких местах за её западный берег, упорно и основательно готовились к походу на Озер.

В штабах тогда много говорили об искусстве и дерзости наших передовых отрядов, которые сумели и ходу занять прекрасные плацдармы за рекой, и особенно хвалями один из них, выгнутый за Вислой, словно туго натянутый лук, от которого городка Пулавы, в обход Яновца из-за лузии Вислы. Там, на высоком каменистом мысу, стоял полуразрушенный древний замок.

В один из солнечных, нередко тёплых ноябрьских дней мне довелось побывать там, за Вислой, с генералом, инспектировавшим оборону. На высоком, крутом мысе было тихо. Только зрелище вала, за синим асом, перекатывавшее отдалённые раскаты грома, Широкая, могучая Висла оглябала этот неповторимый выступ за рекой. Позднее ноябрьское солнце серебрило чешуйчатую волну. В древнем лапке шуршала пыльная листва и ожививший виноградник протягивал к небу опалённую моль своих плетей.

Мы прошли по шаткому целому мысу над габрским равом, и древний замок Фирса предстал во всей своей красе. Время долго и упорно точило его белые камни, но стены и башни, сложенные четыре столетия назад, ещё хранили величие и благородство линий.

Под сводами парадного въезда, иссечёнными ядрами и пулями, висел железный щит с изображением рыцаря в латах, и тонкая густая вязь ивневом гаснела: «Великая священная земля».

Возмозный летописец повествовал: «Сей замок построен в 1537 году Петром Фирсой, кастеляном Вислянским. Фирсовы земляки стояли также в Опорзеново под Чертковской, в Смолене, в Лобурине и других местах. В стенах эти ветуны, дупники, с чувством уважения и поэтизма!»

В 1666 году укрывал в сем замке преследуемый королём шведским Яковом Зигмундом Третьего предводитель повстанцев Никола Себежковский. И была бы здесь кровавая сеча, если б не вмешались сенаторы, заставившие Себежковского подчиниться королю.

Гордый маршал пошёл пешком ночью к королевскому обозу, чтобы поцеловать руку неизвестному для него человеку, прося при этом, чтобы король прислушался к желанию народа. Король просьбу отклонил.

Полвека спустя, в 1656 году, замок был осаждён шведским войском короля Густава. Осажда замка в те времена была немногочисленна. Она оборонялась героически, но шведы взяли приступом и разграбили замок. Награбавшие золото, серебро, бриллианты, голубины, картины они вывели из 180 воинов.

Впоследствии замок был восстановлен. В 1715 году здесь долгое время находился король Август II Сакский. Здесь он вёл переговоры при участии князя Долгорукого с конфедератами жалующими уходом сакских войск из их страны.

В начале XIX века, в час нашествия Наполеона, замок попал в уламок. Промысл и драгоценности были вывезены отсюда. После этого над дальнейшим разрушением замка работало время.

Внизу табачки карандашом было написано:

«Сия крепость взята штурмом 4/III—44 г. севескими солдатами майора Нехаева. Убитым генералом, товарищи.»

Скрипяли окаянные ноты дилеры, и молюциватый офицер с орелом на груди, козырнув генералу, лихо отпарировал.

— Старший лейтенант Кичкин! Никаких происшествий на взорном мысе участка но обнаружено, не считая трёх разрывов ноль пять левое ориентира два... И уже мне официальным тоном добыл: — Тяжёлыми кидаси...

Мы прошли по испроному внутреннему дворнику, заросшему травой, выныбшей из мзодч разстаканавшихся каменных плит. Горьковатый дух прови витал над шуршащей влоей листвой одинокой сирени. Причудливые остцы полуразрушенных башен маячили по углам замка, отдалённо напоминающего палмузгитый корабль. Стены местами ругнули, обняв внутренности бесчисленных комнат, за и переходов, ещё сохранивших остатки былой роскоши. Безводный колодезь, из которого заливало в замке немцы в дни осады черная воду, источал гадящий дурманящий запах плесени.

Мы поднялись по шаткой, искривлённой лестнице на высокую сторожевую башню, вступивая стаей одиночных голубей. Широкий кругозор на десятки километров открывался оттуда. Сзади лежали ослепные желтые нити многочисленных мостов через реку, по которым шло грузовики, танки, команы бойцов. Впереди, поблужу твое соулуры дамкой, стояли леса. Белыми домики безлюдных деревень, зигагатыми шаш травищи, линии железных ошей и наюды: там была передний край.

— Не нужно быть военным человеком, чтобы понять значение этой позиции. Не правда ли? — улыбулся генерал, обводя рукой широкий простор. — Честное слово, кастелян Фирсой знал том в ишем деле, когда начинал строить замок. Здесь была к Висле. И немцы прекрасно понимали это. Даже тогда, когда мы форсировали реку севернее и южнее замка, они зубами держали вот за этот мыс и за эти башни, и нам чертовски трудно было пинать боеприпасами свои дивизии, ушедшие за

Вислу, пока вот здесь сидели их корректировщики. И надо воздать должное солдатам бравсто майора Нехаева: они сделали то, что казалось невозможным. Теперь отсюда мы видим всё вплоть до гор у Сандолира. Ни одно движение и stance врага от нас не укрылось, а немцы там, в изгнине, слепы, как кроли. Они много раз пробовали разбить замок из пушек. Но, во-первых, мы отстрелили их, как видите, довольно далеко отсюда, а во-вторых, эти стены даже для современной артиллерии трудно доступны.

Многочисленные легкие выбоины в стенах сторожой башни красочно подтвердили слова генерала. А лишь немногие снаряды пробили каменную кладку, и груды шобня лежали на полу круглой комнаты с четырьмя окнами, выходящими на север, на юг, на восток и на запад.

— Товарищ генерал, разрешите доложить,— оживился вдруг старший лейтенант.— Комната эта, оказывается, тоже вроде исторической. Запись жила знаменитый Францишка Красникая. Вам видите, в лесочке бесует камни. То была замок сини Августа II, курляндского королевича, знаменитые «Зверинцы». Он туда хотелся приезжать. А Красникая приезжала здесь. Ну тут у них роды и начались. Родился потом у них дочка Мария-Христина, а от неё и род итальянских королей пошёл...

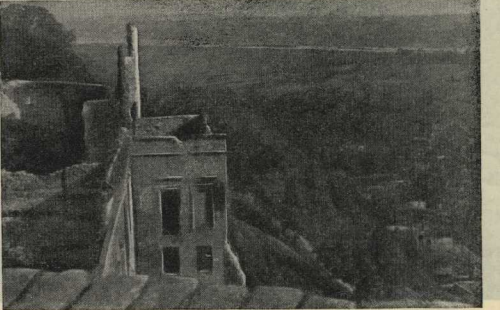
Генерал усмехнулся:

— Видите, товарищ старший лейтенант, куда мы с вами забрались, путешествие от Волги к Висле. Вот пройдем Европу,— пошарящий, сможете ознакомиться на доктор исторических наук славать, а?..— И вдруг лёгкая тень легла на его лицо:— Вот только путешествие это недавно стоит нам. Мужичко мы здесь похоронили. И во одного его. Какие люди здесь остались! Шесть контракт за один день...

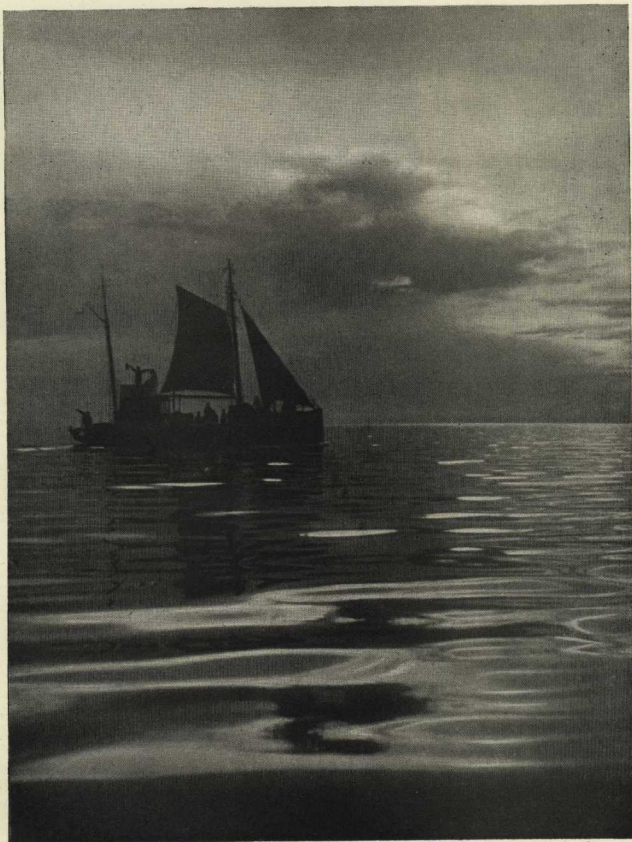
Генерал указал рукой на позолоченные осением солнцем памятники, стоявшие над обрывом. Заботившая рука укрывала солдатские могилы дубром, обнесла их решёткой и украсила цветами. Лёгкий ветерок с Вислы шевелил листву, опавшую на дорожки, словно ласкался к земле, которая приняла хребрсов, вздыбших приступом этот замок и погибших в его стенах...

В ту же ночь мы отразились к майору Нехаеву на передний край.

Высокий, черноглазый майор, с густой бородавкой, сидел за столом, покрытым бумагой. Тикал будильник. В зеркале над столом отражалась аккуратно подвешенная на деревянных палочках лавровая гирлянда с тремя новоявленными орденками. У изголовья тщательно заперевшая койка

На высоком каменистом мысу стоял полуразрушенный древний замок...

«В дозоре».

Фотохуд В. КОВРИГИНА.

КТО ОНА?

Как же тут, скажите, не дивиться! Вот наш дом, конечно, упрямый: каждый день в квартиру № 30 по утрам приходит почтальон.

А вчера сюда из магеги и мороз, принесши огромную козочку — целый куст почти воздушных роз.

Кто пришёл к такой частливой доле? Кто нашёл в такую сысную снедь? И жильцы дивятся поневоле: кто же их таинственный сосед?

Как же тут, скажите, не дивиться! Факт есть факт, но верится с трудом: послелись скромная дива, не звезда, как видно, не певичка, ну стаканочка, ну мастерица, — так такжэ-то в доме полон дом!

Красотой особой не блистает, даже, если правду вам сказать, девушка немножко крошечная — это сразу издает ванде.

Кто она? Какой покрыты тайной молодой волшебницы черты? Быть не может, чтобы её случайно — письма, телеграммы и цветы.

Так и бысть, я тайну всё открыю. Тайна здесь, как стёклашко, светлая: три знамя на фронте мажестроу дорожка девушка была.

Помнит, помнит русую сестрицу не один гвардейский батальон. Вот зовём в квартиру № 30 по утрам приходит почтальон.

ВОКРУГ СВЕТА

◆ Взгляните ночью на Полярную звезду. Вы увидите не звезду 1945 года, а ту, что существовала при жизни наших дальних предков, которых вы даже не знаете. Луч света Полярной звезды, дошедший сегодня до ваших глаз, начал своё путешествие ещё в XVI столетии. Почти 400 лет он мчался в мировом пространстве, проходя в минуту 18 миллионов километров.

◆ Самой большой ледник в мире имеет длину в 771 километре. Это ледник Фелчико в Западной Пашире, близ пика имени Сталина.

◆ Туземцы Новой Гвинии употребляют русские слова: «топор», «клуб», «спинка», «кушак» и некоторые другие. Этим словом их научил русский исследователь Новой Гвинии Н. Миклухо-Маклаев.

◆ Взрослый человек весит примерно в 20 раз больше новорожденного младенца. А вот лунарка, живущая в океане, увеличивается в весе со дня появления на свет в 60 миллионов раз.

◆ В одном кубическом километре морской воды содержится золота приблизительно на 100 миллионов рублей. Но до сих пор не найден способ извлечения этих богатств.

◆ В теле взрослого человека 206 отдельных костей. В теле новорожденного их 270 — на 64 больше. По мере того как ребёнок растёт, многие из его костей срастаются и число их поэтому уменьшается.

Железный щит с изображением рыцаря в атаке был покрыт тонкой вязью писем...

лежала стопка книг. По всему чувствовалось, что здесь живёт человек, для которого война стала бытом, и трудно было предстать, что до 1914 года Даут Эрнст-Фридрих Некава был человеком самой мирной профессии: учителем в маленьком алмазёвском ауле Восточный.

О битве за древний замок майор вспоминает с возмущением. Да, это было жаркое и притом алкое дело! Когда полк переправился через Вислу и занялся за левый берег, он сказал себе: «Ну, Даут, здесь надо держать ухо востро».

Через Вислу пламь под огнём, пламя на лодках, на брёвнах, на мешках с сеном. Вся артиллерия осталась за рекой. Патроны и гранат было столько, сколько могут унести на себе люди. Походные пушки поперевали не удалось. Промокшие, уставшие люди жались к узенькой полоске земли у берега, и впереди были кручи и на них вот этот чортов замок, набитый фрицами...

Солдат майора Некава была указана самая трудная дорога — прямо на замок. Они несали грозно и неотвратимо, с криками «ура», с трескотней автоматов, вёселками и пиками, карабкались по хрипящим кручам, цепляясь за бетон укрепления, дозвонивших ещё в 1914 году русскими саблями.

Нервы немцев слаби, и они начали пятиться назад. Гарнизон замка поспешно укрылся за его стенами, но советские бойцы ворвались в него и в ожесточённой схватке большую часть гитлеровцев уничтожили, остальных взяли в плен.

Но мало было захватить замок: надо было его удержат. Немецкий генерал, узнав о том, что русские уже в замке, пришёл в бешеную и призывал своих частям во главе с ним стать замком вернуть. Из леса выглатывали танки. Зарывали самоходные пушки. Густыми цепями пошли на штурм только что оставленного замка автоматчики. Пять контратак сбили защитника замка. Ряды их редели. Но когда немцы в шестой раз бросились на штурм замка, они встретили такое же упорное сопротивление, как и в первый раз. Потанковали немцами автоматическая удулоя просочилась по старому цепному мосту в крепость. У защитников замка уже не оставалось патронов, и они дрались оружием, шляпками, привалками артобом. И в конце дня, когда немцам казалось, что их победа обеспечена, наши бойцы получили подкрепление — и немцы проиграли бой.

Ну, а теперь, как видите, мы уже впереди! Скажу задумчиво майор — Усё, кто остался живы, награждены. У каждого добрая зарплата в памяти... И, вспоминая что-то, он улыбнулся и достал из кармана какой-то письмо.

— Вот. Сохранила как сувенир. Мои бы-

ты там, в замке, подобрала. Как вам понравилось?

На изычном конверте, покоробившемся от сырости, было написано: «Почтальонскому пису князю Леону Козловскому. Почта Яновск, над Вислой».

— Это последний владелец замка, — пояснил майор. — Вы прочтите — словно страничка из реалистического романа.

И развернул второй листок с тисненым гербом. Алмазариновое чернила ещё не выцвели. Охотнее изъяснялся по-русски, нежели на родном польском языке, графиня писала по старой орфографии — в ятлках и творимых знаках: «12 февраля 1932 года. Варшава.

Дорогой князь, я всё ещё сижу в Варшаве и не знаю, когда уеду; никак не могу закончить дело, очень мне всё это неприятно. Но зато думала увидеть Вас перед отъездом, так как Вы писали, что работы в замке окончатся к январю. Теперь узнала от Николая Николаевича, что и к февралю Вы не придёте в Варшаву...

Очень жаль, но что же делать! Получила ли Вы моё письмо с поздравлением к Новому году в ответ на Ваш привет? Неужели оно тоже пропало? Я люблю писать длинные хорошие письма, но сейчас у меня нет никакого настроения делать это, — я вижу, что мои весточки или не доходят до Яновца или... не доходят до Вислой лужи.

Довольны ли Вы тем, что у Вас в замке учебные расквашивают полземные холки, что то штурт и нарушают вековую тишину? Мне почему-то грустно сделалось, когда я это узнала. Мне всё кажется, что Яновск стал уже не тот, каким я его знала летом.

Когда я вызловаривала, я прочла дневник Францишки Красинской по-польски и в восторге от этой маласянской княгини. Как чудесно было в замке в те времена!

А пока до свидания, дорогой князь, будьте здоровы и счастливы. Я уезжаю алмазо-лыжею. Но время ведь идёт быстро. Тот или полтора пройдут скоро, и тогда, Бог даст, мы с Вами ещё свидимся...

Нина Янковская.

Майор, улыбаясь, сложил письмо, спрятав его в карман гимназистки и добиваясь, чтобы она или нет и чем всё это дело кончилось. Но вот за одно сообщение мы определённо благодарны графини: она не только открыла тайну старого замка — рассказывала о полземных холках. Мы и прежде спрашивали. Эти холки идут далеко и определённо годятся нам. Наши сапёры очень заинтересовались ими...

Плоско в ноги за стенами бывающая грехами разрывы немецких мин. Немцы опять ждали атаки, и тяжело, грозно молчаливое советского переднего края выныривало у них нервы.

Всё шло по плану.

ИЗ ПОВЕСТИ «ВОЗДУШНЫЙ ДЕСАНТ»

Рис. Г. Балашова

Большее в ту ночь мне не посчастливилось вернуть своих. Остаток ночи я шел, а на день спрятался в снопах трески, близ сада, так, чтобы видеть и слышать немцев. Утром на это поле приехала старик и начала перекладывать снопы в телегу. Старикашка показавши мне беспримысленные мажоранки, горбаты, с рожком лицом и добрым голосом. Он с необыкновенным терпением отнесся к моей ленивой мажоранке. Когда надо было перекладывать от одного снопа к другому, рыскало долго змыкало, расклевывалось, мажало хвостом, а старик уговаривал ее с таким миролюбием, которое даже вызывало досаду:

— Имя, мажоранка, ичирас! Давай, богоя, давай! Я помогу, — и пошла костальным шагом к телегу.

Я немного высунула голову и сказала:

— Дедушка, тихо! Не лугуйся. Я спой. Погоди ко мне, дедушка, поговорить надо.

Он выслушал меня без всякого изумления — оказалась, что такое ему не в новинку, — тут же пошла:

— Говори, сынок!

Я спросил о парашютистах.

— Кто такие — не знаю, а больше дён пять назад. Пять захватили. А были не слышно.

— Спросил о немцах.

— Много, особенно после парашютистов, как черной после дождя. Говори, сынок, поскорей!

Я спросил о дорогах, какие поспокойней. — Неудобно ты время выбрал разгуливать. Теперь все дороги вроде сковородки, горчанички. Одно совету — поменьше показываться на долах. Немцы так напустили вояк, что иной и не хотел бы, а со страху может показаться на тебя.

Я попросил деду принести мне немного хлеба и воды.

— Ладно, привезу.

Он уехал, а я с удивленным вниманием начал наблюдать за садом и дорогой. Везде были немцы.

Вот старик поковылял снова, прозекая мимо меня, он осторожно спустился через облачку наземь краешку хлеба и бутылку воды.

— Поедуну верин, последняя, — шепнул он.

Я передал воду во фалгу и, когда дед опять прозежал мимо уже с вояком, вернул ему бутылку.

На въезде в село моего деду оставили немцы, разворовали весь воз, а самого увели под конюшню.

Какую-то свернувшую рола тут определенно сыграла бутылка. Немцы долго перелавливали её из рук в руки. Может быть, дед плохо спрятал её, быть может, она свернула у нас на поле и кого-то навела на полосу.

Одна группа немцев увела деду, а другая пошла к коням. За мной — сомне-

ваться было нельзя. Немцы шли довольно беззаботно, в полный рост, грудно. Не предполагали, верно, что я так близко. Я и воспользовался этим — аккуратною срезаю носок — дек было поторо — и побоялся. Сначала полем, укрывшись за конями, потом свернула на луг, в стого.

И там, где кивалось, что я уже спасен, меня вдруг охватила пуга. Только тут я заметил, что у одного из стогов стоит подвода и немец наливает сено. В тот момент он оставил вывал и снова наехал в меня. Я метнулся за стог. Вторая пуля пролетела мимо.

Далеко началась игра в прятки. Мы с немцем оба тапились за одним стогом. Кому-то из нас предосторожно умереть. Ринна он меня свернул, в шее, и у меня на перых порах глаза и самый ум помутились. Показание мое было плохое. Фриц наступил, я пятали, Кружный Фрицый стог мешал нам видеть друг друга. Но дуло фрицевского автомата то и дело торжало передо мной. И так близко, что иногда лопки прыжков, и можно схватить рукой. В то же время можно получить и целую отсечку прямо в грудь. Я пятали и пятали и старался тем временем переписать дурь и слабость от раны.

А переписка, перебрал в стугуление. На один миг и увидела фрица — точнее часть его лица: два темных подлзы, рыжие усы и злые, оклаивные зубы. Я не успел разрядить автомата, как фриц скрылся.

И потом — ни фрица, ни даже кончика его автомата. Сашу, пыхит рядом, а чтобы увидеть и тем более пристрелить, надо рывнуться вперед. Рываньись, а он прыгает как салует на автомат. Нет, душно, в борьбе у стога наступательная тактика не годится. Зресь лучше отступить. Пускай фриц рываньись, а я прыму его.

Опять вижу дуло фрицевского автомата. Автомат высовывается чуть больше. На мою грудь точно набивают обруч. Я напрыгаю нес силами и сбручу лопается. Я выдыхаю вояком, руки сразу крепнут, и моя отсечка безошибочно агит в дуло немецкого автомата. Автомат выкинет. Я делаю прыжок вперед и перевожу ливень пуля на рыжко усы.

Немец агит. Ковь дремотно жубт сено. Кругом шумо. Снимаю свою форму, прачу в мешок и надеваю фрицевскую. Поулугало немца звалившем сеном, потом звалившем вод, набравшись на него и еду.

Ауга идут далеко, вдоль реки, может быть, на всю длину её течения...

★

Ауга увели меня далеко, а куда — не знаю. Не будешь ведь спрашивать встречных: «Скажите, куда я заскакал?» — ман раскладывать карту на возу и определяться.

Определяется сейчас мне совершенно необходимо. Я серьезно ранен, кровь про-

...Я делал прыжок вперед и перевожу ливень пуля на рыжко усы...

мочина толстуж повязку, на которую я истратил пополеного и две порциики. Больше меня ввинило. Раз не разорвал нижнее белье? Мне надо скорей!..

Вечерний чуткий воздух доносит голоса нескольких деревень.

«Ну, вешу, говори куда пойдём?» — спрашиваю и вижу сердце. Едва дух, гаяз, оныт и ум норой окончательно откашываюсь, советую, то сердце и в самом желанном положении всегда что-то знает. Я говорю только про своё сердце. «Куда жё? В дальнее? Почему? Так, без всяких «почему»... Больше нравится. Там кро- то очень хорошо свет про рябину: Грудно оно, рябине, к дубу перепарать, горько спирноно веш одной кавальса».

Поёт женщина, в одиночку. Дойдя до конца, она начинает попеть сначала. Вот я и ложу прямо на песню, прямо к этой женщине.

Нахожу я деревню. Но песня умолкает. И сердце мне не может подкачать. Так в какой толе иксан несно. Тогда дубу стучаться в первую. Но в первых дуб. Я долго стою в нерешительности: в одной хате может быть песня, а в другой — злая.

Два пережидания в сарггах, в полях, среди небурных хлебов, в бездальствующих ветрах, а бурьяна. По чомна бреду.

Питаюсь тем, что нахожу под ногами: кукурузными початками, горькой каршоной, сабалою, подсолнухам.

Питьём богат. Беру его в ветрах. Почти в каждом из них есть противояжничар ботка. Питьё застарелое, тухлое, но кудакому всё перенесит его герониски, ни при, но больше в расстройстве.

Губит меня голод — у меня уже пухнут ноги, — губит одиночество, а больше всего рана. Она продолжает крохотничь и гнёт. Чувствую по зануку.

Передо мной опять два села. В которое идти? Есть в них что-то, что мне больше уже видал. Иду в правое, оно поближе. Стучусь, стучусь, стучусь... и прохожу ещё село немалышним. Ночую у крайнего дома, привалившись к стене халана. Иди куда-нибудь, прятаться — нет больше сил.

Промышляю от гуеиного гогота. Совсем светло. Хорошо видно другое село. Знакомое, гамкино село. В нём есть торбешничар стирничор Никанор, который спорна накормил. Явлюма меня, а потом, быть может... Я боюсь выговорить... прела.

Понимаю обломок доски и, опираясь на него, бреду к то селю, где Никанор, который... Силе или предла? Иду к Никанору. В село уже просыпается. Но я иду. И пойду! Мой, розная земля. Кто пометает помещать мне? Пусть только пометает. Никто и не думай! Я иду к Никанору, к Никанору. К моему спасителю. К моему предла- телю. Этому мы сейчас разберём.

Иду селом. Она ещё заблудити зна- ния. Иду, иду, иду. Кто-то пометает, кто-то говорит, у кого спросить, где проживает мой П. Никанор? Но мне сегодня счастье: из хаты, что против меня, выходит девушка с ведрями.

— Скажите, где проживает Никанор?

— Никанор? — она испуганно вскидывает брови. — Какой?

— Горбатый... Мой Никанор.

Она, как от сильного порыва ветра, падается назад в хату. Я захожу за ней. Она крикывает дверь.

— А вы кто?

— Я... тот Никанор знает.

— Тот? — переспрашивает она. По моему чувству, которые схватывают её лицо, я вижу, что и для неё знаком тот... — она слышит о нём не впервые.

И ты не знаешь? — шепчет она. — Никанора нет. Никанора похоронил немцы. Внесло вас. Ему сказали: «Ужас, где гол... Тот, кого возва! вода».

— А Никанор?

— Знает никого не знаю. Никому не возна. А бутылку вина в поле».

— И похоронил?

— Похоронил.

— Где?

— У нас на улице. Стодыт стоит ещё, видно.

— Да кто похоронил?

— Не знаю. Увезли куда-то немцы.

— Она ступит. Я понимаю, что гость я не безогонный, и говорю: — Да мне постыт! Я умираю.

Она быстро, с явной радостью отрезает горбушку хлеба, достает из лешка стола два яблока и подаёт мне. Я беру, затом кладу в рот и сразу спускаю к столу.

— Нет, нет... Это вы там... там... — бормочет она с тревогой и отходит к окну.

— У кого же, наконец, можно поспешить? — нужна гордость, стид показывать голман и вечная осторожность показываю меня. — Поамещая я не смизнала вот так, на сямь».

Она продолжает внимательно глядеть на улицу. Случайно ям меня, слышит ли, — не поймаешь. И вдруг быстро оборачивается. Я даже пристаю от удивления, такое у неё новое лицо. Асское и печальное. Я вижу и ступаю, и сразу спускаю к столу. — Каким образом вы так быстро? — спрашивает она, когда она прожывает дорогого человека, прожывает дьявола, и вот стоит с ним последние минуты и всё! дубит томится, что они убежит так быстро.

Затем девушка подходит ко мне, кладёт на мои плечи руки. Асское, осторожно глядит грязное, загубленное сужно куртки и говорит таким голосом, которому невозможно противиться, каким говорит: «Милый, дорогой, ну, побудь со мной ещё хотя одну минуту», — говорит: «Ходите сюда минутку!».

Я вскакиваю и уожую. Хлеб и яблоки остаются на столе. Остаётся и мой опора- жок. Я забиваю всё, даже вглядываю на него и ступаю, где я стою, вместо меня погиб убогонный Никанор.

Иду безрасудно смело... Чувствую, что вокруг меня светлый день...

★

Кто-то трясёт меня за плечи и шепчет: — Товарищ... товарищ... товарищ... — Окружало глаза. Мальчишка... И чего ему жалко?

— Товарищ... Пойдём скорей.

— Куда?

— К нам.

— Я не знаю тебя.

— Вы — тот?

— Ну, тот.

— Тогда идём!

Иду и шепчет, шепчет... Когда я вышел, его сестра Настёнка послала его за мной, поспешит. Когда я начал спускаться в блаку и упал и остался тут лежать, она выдала травы и забрала меня. Потом побежала к Настёнке. Она опитя побегла ко мне. Он вертелся около меня до вечера.

— Ну, идём! Наклоа.

— Я лежу на кровати, под которым живёт Настёнка. По несколько раз в день она поднимается ко мне, промывает и перемывает рину, приносит ши, кашу, молоко. Ибоко всё время стид рядом со мной, целый язык.

Вчера, перевязав меня и накормив, она не ускользнула тутажно, как обычно, а селу, к моему изумлению и испугу: — Хотите почитать, что про нас немцы пишут?

— Про вас? — я кивнула на неё.

— Про меня и про вас, — она улыбнулась, — компания она.

Это было уже совсем интересно. Я-то думаю, что лежу в полной неизвестности, а немцы не только знают, но уже и пишут. И так так и рывулась к Настёнке.

— Шш... — она зажала уши руками, — как можно так... услышит.

Пором из широкого рукава своей белой рубашки и белого вышитой юфты осторожно вытнула бумажку, свернутую в тру-

бочку. Это была немецкая листовка — обращение к местному населению. Немцы вешивали, что красными сброшено боольшое количество. Далеко тутажно, что десятничары — убийцы, грабители, насильники, поджигатели. Затем призывала вылавливать нас, указывая, где мы хоронимся. Листовка заканчивалась перечнем кар и штра.

За помощь десятничару — висящая, карается все семья за поимку — пятнадцать тысяч марок за одно ужаление, две назоидител, у кого бывает, — десять тысяч марок за вылачу того, кто поможет десятничарам, — тоже десять тысяч марок.

По желанию, дозволено награды замени- аны натурой: водкой, мажорной, солью. Когда я прочитала листовку, Настёнка сказала:

— А вы — прямо в деревню, прямо в дом. Да при белом свете! Разве мож- тако? Безжалостный вы человек.

— Почему безжалостный?

— А вы как же! Себя погубите — вше делье. Да и себя жалко, что вы алокой. А к другому подождёт! — и другого не ступит. Он вам гогот добро сделать, а вы его по- тою какую казнь поводите. Нельзя олю- поминать! Питьё-ста, кому, мне жить, оста- наю и другое: всем жить охота. Ну, отмы- хайте, да тихо. Не дай бог узнают, какой клад в нашей хате живёт.

— Как знать... А страшно... — она пу- дило прислушалась, затем допешала: — Одни вы с собой двадцать пять тысяч стоня. А у меня и мама, и брат, и ещё сестра.

Она встала уходить. Я протянула ей листовку.

— Эта вам, — сказала она, — у меня есть.

— А мне она ни к чему.

— На память.

Я поняла листовка должна запоминать- мне об осторожности, что и разуме, всем хочется жить, что... Да мало ли кто может напоминать такая листовка, и спрята её в паучу писем из дома.

Сегодня я чувствую себя вполне здоро- рым и говорю Настёнке, что вечером пойду дальше. Она забирает мой пугеюй вешовой мешок и немного погодя возвращает поаный. Я спрашиваю про дорогу на Камбу. Настёнка называет села, приметя, людей, у которых можно переночевать, до- стает хлеба, узнать про дорогу дальше. Я повторю за ней из слова в слово. Дове- рить бумажке нельзя ничего: ведь что ни слово, то жизнь человека, жизнь целой семьи, — и мы шепчемся до тех пор, пока я не вылучиваю всё изустно.

И тот Автомат и вешовой мешок уже на мне. Полаю Настёнка руку. Она, вме- сто того чтобы положить свою руку, она, кладёт её мне на плечо. Она ничего не го- ворит, и я вижу её лицо, что у неё на душе, и слыжу, я вижу ещё дождь-солото.

Выхожу. Немцы бросают ракеты, стреляют. А мне наплевать на это. Бродяй, стреляй... Всё равно можно жить на свете!

Налобон вторгся в Россию. Уже адмиралы покорили Смоленщина. В Москве был обнародован манифест о всенародном ополчении.

«...Ныне вызван во всем сословии и состоянии, духовном и мирском, пригласив их единодушным и общим нравственным содействием противу всех вражеских замыслов и покушений...»

В знойный июль день 1812 году к графу Салтыкову, формирующему добровольческий московский полк, явился в числе других молодой кандидат Московского университета Александр Грибоедов. Едва достигнув семнадцати лет, он уже готовился к испытаниям на высшую учебную степень — «чти доктора».

Теперь баклаважный университетская карьера внезапно оборвалась. Юноша, привыкший к кабинетным занятиям и тишине библиотек, испортивший зрению над ревзором древних летописей, он, не колеблясь, бросил за оружие.

Судьба не привела Грибоедова на поле боя. Ему суждено было в давней от войны галуши комплектовать кавалерийские резервы.

Вскоре заметки военного дела с отменным удовольствием прочитал в журнале примечательную статью о военных резервах Кавказа. Это была государственная тайна. Усмуренный обширными знаниями и долгим опытом. Под стальной стол, однако, подпись, никому неизвестная Грибоедова.

Мех тем война давно ушла из России на поля Европы. 25 декабря 1814 году Рюриковна победил наполеоновым колоссальным званым в Москве. Императорское указом о конском времени во все концы русской земли: — «По обе-да».

И тогда из галаши, в которой пребывала Грибоедов, он равнулся в Петербург. В Петербурге, где теперь расцвету знаменная сапожничество, театры, музыка — все любовные сердце искусства и науки.

В июне 1817 году на набережной Невы, в здании Коллегии иностранных дел, вопреки писанные присяжные акты только что причисленные к коллегии молодые люди. Один из них поставил подпись: «Александр Пушкин». Другой — «Александр Грибоедов».

Пушкин, только что окончивший лицей, и Грибоедов, переселившиеся в Петербург, начинали своё поприще.

«...Багрятепаша, полукозлушану,
Симчку волшебному послушану,
Тополов нимф окружену,
Стоит Истомина...»

В том, 1817 году Обелин не был ещё написан, и Пушкин ещё не увидел возмущенную деву в этих повучих строках. Но Владислав Истомин уже не имела соперниц в петербургском бальете и с теми большим успехом занимал пылаке сердца. Из-за неё произошла трагическая дуэль, в которой Грибоедов был скулдатурно Историю вызвала трюмские толки. Началось счастье. Было решено выслать заграницу дуэлянта, ранившего противника насмерть, и удалить из столицим секундантов.

В компании иностранных дам Грибоедов был вызван к министру. За столом, украшенным бриллианом, сидел Нессельроде.

— Мы нашли место, достойное вас: вы направляетесь на службу к персидскому двору!

Голос звучал густо. Лицо министра было безжизненно.

— Я молю, ваше сиятельство — горничная отетка Грибоедов, — и поэт и музыкант...

— В услужении,— холодно прервала министр,— вы усовершенствуете ваши дарования.

— Ничаю, ваше сиятельство! Поэту и музыканту нужны слушатели и читатели».

Нессельроде молчал. Он не желал слышать дерзких возражений. Ауденция была окончена.

Москва. В Москве у дая Грибоедова — уютность, сытость и дом. И здесь же в 1823 году к нему пришла слава. Рукописные его комедии читают наперебой. Знаменитые литераторы отмечают в дневниках своё знакомство с автором «Горе от ума».

Александра Грибоедова нарекают зовут к знакомым и незнакомым. Никогда отвести душу с любимой сестрой, навигаться с ней в четыре руки на фортепиано, насладиться её нежной аффи.

Ба садует за балом. У московских даждков и тугудек перод Грибоедовым проходил та самая фамусовская Москва, которая уже живёт и философствует в его комедии, и будто на фамусовской вечернике перед ним кружится пар...

«...Что с тобой, Александр?» с тревогой подошла к нему на оном из балов сестра. Он стоял, как Чацкий, один посреди зала, погруженный в задумчивость.

«Что с тобой, мой друг?» — озобочено переспросила Мария Сергеевна. Александр Сергеевич пробил рукой по губу. Перед ним словно ещё плывала незнакомый интрига комедии — трезвенно звучали незнакомые диалоги.

В те же дни Грибоедов сыграл сестре свой новый вальс. Обычно он не записывал своих музыкальных сочинений, но этот раз — такими значимыми значениями, он и предназначался для той фамусовской вечерницы, когда вокруг покинутого Чацкого arose в вальсе кружится с божественным узордком.

Вот скоро-скоро комедия увидит свет, и в ней же прозвучит авторская музыка! И те и комедии имеют свою судьбу. Шли годы, а цензура не пропустила «Горе от ума» ни на печать, ни в печать. Ницы всей России её благоговалили: заказы на списывание.

СОВРЕМЕНИКИ О ГРИБОЕДОВЕ

«...Грибоедов не любил света, не любил пестрых визитов или чинных обедов, ни блестящих праздников, так называемого лучшего общества... Он не мого и не хотел скрывать насмешки над подласливой и самолюбивой глупостью, ни презрения к визитным посетителям, ни изнеможения при виде счастяного порока. Кровь сердца всегда мрала у него на лице. Никто не полавлял его детства; никто не дерзнул бы сказать, будто слышал от него неправду... Он мог сам обманываться, но обманываться никогда. Твердость, с которой он обичал порокине привычки, несмотря на знатность и высшую неслатность, ни изгн кателовской суровостью, даже дерзостью...»

(А. А. БЕСТУЖЕВ «Жизнь и сочинения А. С. Грибоедова».)

Речь пришла о власти человека над самим собою. Грибоедов утверждал, что власть его ограниченна только физической невозможностью, но что во всем другом человек может повелевать себе совершенно... «Горевало по тому, что многое испытал над самим собою. Например, в последнюю Пер-

ки «Горе от ума» сыпалась со всех сторон. Пожалуй, ни одна книга, написанная в России, ещё не расхлебана в таком количестве экземпляров, как эта рукописная комедия.

«...Жизнь моя!» — галла на рукописе, несомненно шутка Грибоедова, и галубая складка всё реже обозначалась вокруг тонких губ.

Весной 1823 году публичные выстрелы героически возмущали жителям Петербурга о прибытии в столицу... автора запретной комедии «Горе от ума».

Грибоедов возвращался из Персии и вёл туркманчайский мир, победо заключивший персидскую войну.

В Петербурге литература и музыка снова вошла в жизнь автора «Горе от ума». Возобновились дружеские встречи.

Как-то дни Грибоедов с утра на приём обычных чиновных посетителей и долго-го с нетерпением ожидал.

— Михаила Ивановича Ганика! — доложила слуга.

И, прежде чем хозяин успел выйти навстречу гостю, в кабинет вошла молодая человек. Он был невысок, но ладонь. Молодой человек хохотал, высился над широким лбом. Глаза светлились добродушным лукавством.

В кабинете Грибоедова было просторно, светло, благовещная роскошь — прекрасный рояль — украсила временное жилище поэта-диplomата.

Долгожданная беседа началась. Грибоедов, едва услышав пьесу Ганика, проявил к автору живейший интерес. Сознавая, знакомясь с Грибоедовым, в свою очередь отозвался: «Грибоедов — очень хороший музыкант».

«...Поговорить, и оба не заметил, как беседа затянулась чуть ли не на весь длинный весенний день.

— Катаясь — молвила Грибоедов в одну из пауз и, подолжав и роялю, наизусть, тихо, самизаную и полюбившихся ему в Грузии.

Ганика слушала, привычно склонив голову набок.

— Отменная песня! — сказала он и снова засадунался.

сласкую кампанию, во время одного сражения, мы случились вместе с князем Суворовым. Ядро с неприятельской батареи ударило подле князя, осыпало его землю и а первый ми я подумал, что он убит. Это разлило во мне такое содрогание, что я в слезе? Мысль несправильно была, но я чувствовал немалый трепет и не мог прогнать тогождкого чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я тру в слезе? Мысль несправильно была, но я чувствовал немалый трепет и не мог прогнать тогождкого чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я тру в слезе? Мысль несправильно была, но я чувствовал немалый трепет и не мог прогнать тогождкого чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я тру в слезе? Мысль несправильно была, но я чувствовал немалый трепет и не мог прогнать тогождкого чувства робости.

На я хотел не дрочать перед яраами, а ввиду смерти, и при первом залпе стал в таком месте, куда доставляла выстрелом с неприятельской батареи. Там сосчитал я назначенное мною самим число выстрелов и потом, тихо повернув лошадь, спокойно отшелх прощ. Знаете ли, что это произошло после? После я не робел ни от какой военной опасности. Но поддался чувству страха, оно усиливается и утвердится.

(Кс. ПОЛЕВОЙ «О жизни и сочинениях Грибоедова».)

А. С. Грибоедов

«Вскоре Грибоедов играл ту же песню в кругу друзей Пушкина. От прозрачной и грустной её мелодии у Пушкина родились стихи. Потом песня снова вернулась к Галичке.

Прошли многие дни. В дружеском кругу Галичка подседа к фортепиано, побеждала по клавишам и спела новое своё произведение.

«Не бой, красавица, при мне ты песню Грузии печальной...»
 Это была грузинская напев, игранный Грибоедовым, адолюмивший Пушкина и изображённый им гением Галички.

Русский посол в Персии статский советник Грибоедов следовал к месту назначения. Путь лежал через Тифлис, где сосредотачивались все связи с Востоком. Тифлис давно стал родным для Грибоедова в его ситвиных.

В родовом доме Праксовы Николаевым Ахвердовым его встретил как близкого и дорогого друга. Аняна как он называла здесь с дочерками музыкальные уроки и играла такие захватывающие танцы, что все влюбилось в неё.

Сестры Екатерина и Нина Чавчавадзе живут у Ахвердовой, как дома. Их отец, поэт и общественный деятель, пробывает в постоянных переездах по службе. Ахвердовы, которые распевают в Грузии как народные, переводчик Пушкина, Гёте и Вольтера, Александр Чавчавадзе не хочет, чтобы его бродячая жизнь нарушала воспитание детей. И он доверил будущее своих дочерей испытанным рукам Праксовы Циколавицы.

Грибоедов приехал к обеду запросто, и за столом была молчаливая расеян. Давно Нина отлыгивала перед ним в крохотных баламачках? Когда ж успела она расстаться с детством и явиться красавицей, в почтительном отдалении от которой уже гудит рой восхищённых искателей её руки?

«В этот день она стала невестой Грибоедова.

События происходили с головокружительной быстротой: подготовка миссии к отъезду, дипломатическая переписка с Петербургом и — свадьба.

Наконец, миссия тронулась в путь. Её сопровождала пышная эскорт. По вечерам пылали факелы, и тогда тени разбегались и прятались в синеве ушей.

«Как всё это случилось? — сказала жене Нина Александровна. — Где я, что и с кем? — потом подумала и проглотила к нему нежные руки. — Будем век жить, не умрём никогда!

Что хотела она сказать: то ли, что любовь ослепит и самую смерть?

А смерть уже сторожила Грибоедова. И скоро Нина Александровна увидела дымные факелы, с которыми подожгла и Тифлису траурная процессия с прахом русского посла, погибшего на посту.

Несчастье придало и равною её, но не столько веры. Для памятника мужу-посту она избрала слова:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего переживаю тебя люба моя...»

На мраморном надгробии иссекали большую книгу и на корешке её надпись: «Горе от ума».

Долгие годы, до последнего дыхания, жила Нина Александровна памятью мужа, его поэзией, каждой мелочью дорожки воспоминаний. И в бессмертии его славы будет вечно жить и она сама, чистый образ любви и верности, Нина Грибоедова, рождённая Чавчавадзе.

А. С. ГРИБОЕДОВ В СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ.

Рисунок для «Смены» худ. Т. Маеринной

СТИХИ МАРКА СОБОЛЯ

Марк Соболев.

НА ПРИВАЛЕ

Ветер воев голосисто...
Ночь,
Ноябрь,
Темно,
Жуть.
Попросили мы радица:
— Дай для сердца
Что-нибудь...

В батареях мало того...
Встал радист:
— Не дотгуи,
Ведь Москва—она далеко,
Не поймай
её волау.

На глухом
Лесном привале
Тень лежит,
Тоску таит...
И сказала
Позар Вала:

— Ну-ка, хлопцы,
Может, я...
Сердце,
Чт с тобою стало?
Это ж песни,
Сердце, стон
«Мы на дощечке катались,
Золотистой,
Золотой».

Помини,
Пена, расставаи
В летний вечер
Под Москвой:
«Не катались,
Целовались,
Не кавай, брат,
Головай».

Голубые с поволокой
Васильки-глаза
Цвстут...

Говорит:
Москва далеко,
А Москва —
Она вот тут.
На лесном
Глухом привале,
В дыкх томеии
Густой...
...Ой, спасибо
Нашей Вале,
Золотистой,
Золотой!

Марк Соболев принадлежит к поколению молодых, родившихся и выросшей в советские времена. Начало войны застало Соболя начинающим актёром. Война сделала молодого актёра солдатом-сапёром и фронтовым поэтом.

Как и большинство молодых поэтов-фронтовиков, Марк Соболев не храстит солдатскую боевую жизнь в розовые тона. Война предстаёт в его стихах, как тяжёлый и суровый всенародный ратный труд. Сильно, холодно смертельной опасностью, сквозит горечью настоячно и упрямю путь к победе. Неустрашимая вера в правоту и торжество нашего всенародного дела делает их сердца стойкими, их волю несгибаемой. Они знают цену воинскому подвигу. Они знают, какого звериного-кровавого врага предстоит им добиться, чтобы освободить человечество от коричневой чумы фашизма. Независть к тиранам, поработителям закалила их души. Любовь к родине окрылила их мысли уверенной надеждой на победоносный исход войны. Сурова солдатская жизнь. Но в тяжёлых боях не огрубела человеческие сердца, и всё близкое, что осталось за спиной — дома, в тылу, — отпадает солдатские сердца, делает руку воина ещё более твёрдой.

Эти чудесные качества советского воина, нашли своё отражение в стихах Марка Соболя, написанных в дни войны. Они читаются как странички из интимного дневника солдата. В них звучит то горячее чувство ненависти к врагу, то светлое чувство любви к своему народу, то неиссякаемая нежность отца, мужа, сына, давшего обет родине и воюющего отстоять для своего народа светлое и радостное будущее.

Соболев — молодой поэт. Ещё не рожен и не востал ещё его поэтический почерк. Ещё лежит на стихах отпечаток фронтовых условий их создания, но уже твёрдо определились характер поэта, его взгляды на жизнь, его неиссякаемая любовь к жизни, столь характерная для молодого поколения победителей.

Александр Суриков

СЫНУ

За окнами пелух, наряден и грудаст.
В крошечной тыме зарю выжидает гулко...
Мир состоит из трёх огромных государств:
Твой дом, твой детский сад, кусочек переулочка.
Там то, что я забыл покой и тишины
Смешная тихая ночь, приходит тихий вечер...
Когда, играя в бой, ты говоришь: «Война! —
Уже не год—тогда... Я ринь споконный стих,
Как жмет, что эригда не вовремя написан.
Я знаю только два из четырёх твоих,
Но каламам в два других ты выискал из писем.
...Разрыл! Опять — «Ложись!» Какое тут
Хоть вражьи батареи огонь, как чорт, дождик,
прицелил.
Я сотни тяжких вёрст провёл такую жизнь,
Что вред ли уровою за пить шагот до цели.
Мой мальчик, я—отец. Я бесконечно прав,
Сражались как сапёр. В багровых ключьях

Из тычины мостов в шатках переправ,
Она наведена незлыбзема и зримо
И грудасте твои! Я вижу день, когда,
Открыто весельею от бешеной ноги,
Твое, в зелёный май одетые ноги,
Меня, за лачки мои, несильно перетогно.
Я слываю твои дечи! Он айбюк, твои мысли,
Он радостно звенит, как песенка девичья
Он всеня, как хрусталь... В нём сокровенный
Смысл
Сегодняшнего дня—во всём его величии,
Весёлый и болющий, как ты, он входит в стих,
И тогда многих лет становится сквозная...
Я знаю только два из четырёх твоих,
Но это пустяки — я будущее знаю!

ПЕСНЯ

О МОЛОДОСТИ

Отзелели вёсны голоном грачником,
Тёплым летний ветер в рощах отшумел...
Из родного дома ухотила мушкетёрской
Юности
Одетый в серую шинель.
На путях-дорогах много повядал он,
Старой вёдыме-смерти он смотрел в глаза,
Шёл по трудовым вёрстам,
Шёл по дальним вёрстам.
Но нигде ни разу не свернула назад.
Шёл он в дождь и стужу,
Знал и зной и холод,
И, куда б солдата ни вела война,
Был он так же весел,
Был он так же молод,
Был он так же звонким,
Как мой страна!

Есть конец дорогам, даже самым длинным,
У войны — победа,
У полей — края...
Водручат родное знамя над Бердяном
Овоими сава —
Молодость моя.
Будет солдате зря, небо голубее.
Будет жить, как прежде, в мире тишины...
Может быть, у ширя голоса стал грубее,
Может, волос тёмный тубит седина.
Шёл он в дождь и стужу,
Знал и зной и холод,
Слову чашу тогда сё испил до дна,
Но, болющий и сильный,
Он сегодня молод
И душой
И несей,
Как мой страна!

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Что такое счастье?
День ли мой вчерашний,
О котором песни
Грустные поют.
Или тот споконный,
Бережный,
Дошавший,
В мягкой синей дымке,
Ласковый уют?
Долгой ночью снится
Дорогие дали...
Вот
Кестры на небе
Путники зажгли...

Может, были счастьем
Те глаза, что ждали,
Ждали,
А дождался не смогая?
Нет, совсем другое
Счастье у солдата.
Он всё сегодня
В горькой,
Дымной мгле,
От сплюнутой бессоницы
Злой и бородатыи,
Первый залепала на земле.
По любым дорогам
Куралестит ветер,

Орудийным гамом
Голосит бой...
Но когда шестами
Нас встречают дечи
И ручонки тянут
Тонкие свии,
И, ломаи валами,
Не сказав ни слова,
Делушка,
Головки
Живущая в тоске,
Вруте тебя целует
Жарко,
Как родного,

И дрожит, дилку,
Желка
На виске...
Пусть тогда солдату
Будет грустно
И земля грохочет
Всё,
Сейда с ума,—
Что мой быласе,
Комнатное счастье
По сравнению с этим,
Бесконечным,
А?

ДРАМАТИЧЕСКИЕ НАЧИНАНИЯ

Ежегодно у нас пишется несколько тысяч пьес. Они растекаются по многим каналам, эту литературную массу учесть очень трудно, но и с уверенностью можно сказать на основании опыта, что в драме начинают смеее и больше чем в прозе. (Стихи в расчёт принимать нельзя — это не писка стихов.) В свой репертуарный фонд, что на материалах и по мотивам строительства Беломоро-Балтийского канала было сыано до двухсот пьес.

Давно авторам, двести судеб... Можно представить горечь поправных надежд с безвозвратными решениями никогда не браться за перо. При этом возникает ещё некоторая несправка к театру, где будто бы орудуэт какие-то эвонсы, признанные личности, загоразживая новым слезам доступ к сцене. Понятно, что автор, как все грешные, но под влиянием вынуждени и горечи об этом не думает.

Для театра пишутся легко и охотно. Есть глубокая притягательная сила в сценическом искусстве, которую очень точно выразил Гриболов в одном из писем, когда говорил о желании слышать свои стихи со сцены. Он даже утверждает, что ради этого желания «слотил» свои стихи, приспособившая их язык к сценическому языку. Иначе говоря, он все силы своего громадного дарования и упорности, постоянства предания, подчинил театру и автору и может быть, не подзревал, что эти «порчи» или уступки театру и созданию славы его произведению как великой русской комедии и великие фразы её перейдут в наши пословицы.

Если когда-то Италия славилась любовью к театру и Англия стихийно создавала свой площадный театр с его бродячими труппами и безвременными сочинениями, то в наше время в советской действительности театр приобрёл постиние несальняное развитие и прямо-таки сделался составной частью народной жизни в самом широком смысле этого слова. И тот огромный поток сценических начинаний, о котором сказано выше, znamená собой большое культурное процесс, которые происходят в стране.

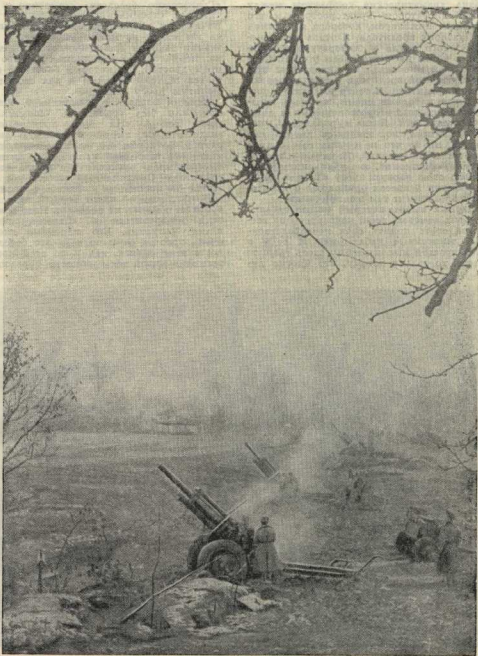
Мы не можем заподозрить авторов в избытке свободного времени: пишут даже на фронте. Часто самая рукопись говорит своим видом, в каких условиях она писалась. Общая черта, которая определяет почти все начинания, — это искреннее желание рассказать о каких-то важных и срочных автору событиях и людях. И наконец, есть ещё одна черта, характерная для драматических опытов начинающих, это, говоря попросту, — желание «написать как у Агдей», взять тему общезнаменную, сюжет «могучий» или «грозный» и подчинить этой общезнаменной теме и сюжету всё, виденное и слышанное в жизни.

Теперь давайте остановимся на первом опыте Юлии Чепурина, который известен нам по пьесе «Сталинградцы». Пьеса посвящённых Отечественной войне и Сталинграду, написано множество, но отчего Центральный театр Красной Армии остановила свой выбор на пьесе Юлии Чепурина?

Прочитайте вариант пьесы, который играет театр: вас покораит живичность и театральность отдельных сцен. Часовой и переправы, смерть интенданта, матрос, забравший гранаты, узбек и, наконец, солдат Курдов — это правда со всей её чистотой и угасательств. Тут автор вилкому не подражает и даёт театру то, что называют самообытностью. Мне думается, что театр оленца по достоинству эту сторону пьесы и в этих сценах увидет несомненный талант её автора.

Бела многих драматических начинаний заключается в том, что авторы сразу же, так сказать, в идею, в зародок, отталкиваются от общезнаменней вещей и литературных шаблонов и свой собственное, о чём они хотели бы повторить, искренно рассказывать, подчиняют этим литературным шаблонам. И так как автор к тому же неопытен и пишет урывками, то и его работа часто делается копией с шаблона.

Чепурин также не свободен от паховой «драмы», когда, скажем, даёт нам сцену между полковником Каимовым и его начальником штаба, где последний «накабалетса» и во что-то не верит... Зритель нечто подобное видал не раз и знает, что это известный, старый приём, за который нельзя обращать серьёзного внимания. Но зато у Чепурина есть несомненное качество: способность записать языком театра реальную сцену с её неподдельной живичностью, — и это качество делает его пьесу пока что лучшим сценическим произведением, посвящённым Сталинграду.

НА ОГНЕВОЙ ПОЗИЦИИ.

Фото А. Шахера

Перой авторам мало величайшего драматизма самой войны. Нет, нам надобно ещё чем-то «нагрузить» жизнь и умножить истинный драматизм известными побочными ужасностями. И вот в одной пьесе отец прижигает растрепанного сына, а другой — взорвать дом, где находится олягъ—таким смь, причём это никак необязательно, из жизни не вытекает, сам герой к таким действиям никак не подготовлен, но зато это «трагично».

Трагедия относится к высшему роду драматического искусства. Как же можно решить трагические сцены, что называется, «с ходу» и не бояться надевать смешных вещей?

Принимая за работу для театра, не нужно думать, что ты первый что-то такое изобрёл и куда-то убьа каким-то новым способом. Всё изобретённое изображено, и герои давно погибли либо от руки Макбета либо от руки Тераса Бульбо. Но неск начинающих неизменно увлечают смертельные конфликты. И только через многие годы работы в театре приходишь к простому убеждению, что со смертью не путать, что спешеческого выражения человеческих концов громадно, опасно, непонятно.

У каждого из нас, драматургов, есть опыт собственных начинаний. Читая двадцать лет тому назад мне казалась, например, что я очень интересно решил и выразил драматические конфликты между двумя директорами Тракторострой и его главным инженером, которого я считал поshawно вредителем. Я отдал этим сценам много труда и литературной страсти, а потом на чётке пьесы у А. Н. Седулаковой мне сказали авторы: «Сказали, что мой вредитель — тысяча первая копия вредителя. И театр выделал и оценил все народные сцены, которые представлялись мне изобретёнными и даже сомнительными. Я был журналистом, много разъезжал, но, взявшись писать для театра, ни во что не ставил собственное богатство наблюдений. И читая «Сталинградцев» Чепурнина, я с удивлением вспоминаю свою первую пьесу «Темь»: удали и промахи в том же направлении и произошли по одним и тем же причинам».

Первый вывоз, который можя сделать из этих заметок, ясен: надо прежде всего на сцене считать свои непосредственные жизненные наблюдения. И если в этой простой мысли отнюдь здесь главное место, то только потому, что многие ду-

макт не так и совершенно серьёзно уверены в том, что надо-де поймать за хвост какой-то «секрет», постигнуть тайны и правила драматического писательства — и дело пойдёт за вал.

Никаких правил. Говорю это без риска преувеличения. Конечно, надо владеть диалогом и интригой, чувствовать стремительность сценического времени и понимать, что ты пишешь для зрителя, но эти вещи относятся к тому, что «само собой разумеется». Нет, речь идёт о других «правилах», которыми вбивают себе голову неопытные люди, мучительно отягченная «секреты» в успехе современных или пьес и новоллю списывать и повторять написанное.

Демискин утверждал примерно так: что можно, учась, сделать живописцем, скульптором, музыкантом, но не драматургом; им становишься сразу или никогда. Это, конечно, — не правило. Его человек подтверждает литературная биография Островского, которая стала «сразу» драматургом, и идеалом исключает опыт Чехова и Горького, которые «не сразу» стали драматургами. В замечании Домского зерно истины заключается в том, что для драматического писателя необходимо обладать своеобразным, можно даже сказать, акварельным чутьём или чутьём постановщика. Известен литературный пример писателя Курина: автор «Поединка» и «Ранатового браслета» строит и мучительно стремится к сцене, но всё его начинание провалил даром. А ведь Курина мы никак не можем упрекнуть в незнании законов драматического конфликта, перипетий, кульминаций и прочих премудростей, без которых блещет обещался Максим Горький и даа свою знаменитую пьесу «На дне».

Горький возразил современников. Успех драматический был громадным, ошеломляющим. Теперь «На дне» — произведение академическое, имеющее огромную литературу, но корни его, великодушная, размышленная свобода крона его — личная, выстраданная, великодушная жизнь самого автора. Следовательно, олять тот же выход — им правилами начинать, а жизнью. Жизнь, если её видишь верный шаг, никогда не обманет, не подведёт. Надо пытаться возвратиться к «Сталинградцам» Юлии Чепурнина. Его народные сцены очень хороши сами по себе, это бесспорно в этих сценках, как и по всей пьесе, проходит живой ток личности, нередовых

стремлений и надежд современного человека. Идейность не применяется в произведении и не терпит никакой «длин»: идейность необходимо вытекает из самого жизненного содержания. Если автору в самой работе приходится ещё специально заботиться об идейности и придумывать «идеологические сцены», — лишь пропало, ничего не вышло. Это будет пустоорожливое сочинительство.

В наших литературных кругах время от времени раздаются голоса, которые хотят доказать, что в драматургии самым медленным и самым тяжёлым шагом является шаг от идеи к сцене. В ответ на эти голоса можно взять библиотечку пьес сенинского журнала «Трагедия», издывавшегося до революции. Вы просмотрите выписки за какой-то год. Десятки пьес. С совдееями эти составят добрую сотню названий известных и не известных для своего времени авторов. Целая полая книжка, и среди них только одно скромное название оставалось: «Кого-то уязв — всё ближе прощайте». «Власть тымы» Альа Толстого. Всё остальное забылось и пропало, но успех повисает на сцене. Но ведь то Толстой, это великое имя всё права. «Средний» драматический писатель Найденов «писал до двадцати пьес, а удавалось на сцене только одна — «Дети Ванюшина».

Никаких особых явлений, задерживающих появление новых авторских имён, в нашей драматургии не происходит. Наоборот, податлива наших театральных органов по многим способствует драматическим начинаниям. Константин Симонов начинал свою драматургию не с «Русских вояев». То же могу сказать о Корнейчуке, Афиногенову, Ариузове, о самом себе: наши довольно-таки слабые и сценически малые произведения принимались, ставились и прощались. Мы помним, как начинал Б. Вильзонский. Он пришёл в театр буйно, как бы безформенное перное сие сенинского произведение «Первая Коляца». Потом определилась Формя и нашёлся лам к сценическому воплощению этой пьесы. Огромная, бьющая через край жизнь в этом произведении жила сама.

Так и теперь, мне думается, возмрут своё новое, жизненные произведения новых авторов фронта и тыла, которые накопили несметанный опыт в последние годы. Современный театр ждёт таких произведений, и, несомненно, они явятся не нынче—завтра.

Моя жизнь

А. Степанов

ПОРТ-АРТУР

МОЯ ЖИЗНЬ В ПОРТ-АРТУРЕ

А. Степанов

1944

А. Н. Степанов.

Фото Г. Борисова.

Я родился в 1890 году в семье военного, все мой предок тоже был военным — артиллеристами, и я сам мечтал стать артиллеристом. В 1900 году меня отаили в Полоцкий кадетский корпус, где я проучился три года. Отен мой в это время служил капитаном Новоостроленского (ныне Молдине, близ Варшавы), в крепостной артиллерии.

Летом 1903 года отец был переведен на службу в дайриг, никому тогда неизвестный Порт-Артур, который находился на берегу Жёлтого моря на архипелагоме Российской Империи Квантунского полуострова, и мы поехали туда.

Порт-Артур расположен на берегу большой бухты, со всех сторон окружающей горами, на мысистой сопке, почти лишенной зелени. В маленьком, залуженном городке насчитывалось не больше 15 тысяч мирных жителей — русских, зато военных было много. Артур являлся важнейшей нашей морской крепостью на Дальнем Востоке. На него базировалась почти весь русский Тихоокеанский флот.

Китайское население — всего тысяч около сорока — жило в орешных деревьях и специальных пригородах — Сямом и Новом китайских городках. Большинство китайцев в городе работало впрянутой в русских домах, ризники, мелкими служащими. Но были и богатые китайцы. Так например Нахичи Иланьичи Тифонтой — миллионер и крупный делец — исполнял должность городского головы Порт-Артура.

После России нам многое казалось страшным здесь. Люди-извозчики — ризники — которые на своих дёганных козаческих возах возили портургурских извозничих, многочисленные китайские ларьки с различными дальневосточными лакомствами — блинами, козочески, галетками, ананасами, — красивые фонарики в форме жарковок, рыб, черепаш, освещенные по вечерам их лампами, — всё это поражаало мой воображение.

Особенно по рождению, и в детства хорошо являла на в Артуре культура, можно было лишь в особо отгороженных, охраняемых местах, так как в море появлялись акулы и вылазали на людей Морские скиты, обхватывающие тело медузы — всё это было необычно и интересно. Отец был назначен командиром батареи Электрического Угёса, который находился на берегу моря и отделился от города Золотой горы.

Целое лето солдаты и рабочие-китайцы день и ночь возводили дома, казармы, батареи, укрепления. Из России на пароходах привозили всё новое войско и пушки. Артур быстро отстраивался, особенно Новую горю.

Осенью и поступая в четвёртый класс артурского реального училища. Оно находилось в Новом городе, почти в шести километрах от Угёса. Занятия начинались в 8 часов утра, и

Недавно вышла в свет книга писателя Александра Николаевича Степанова «Порт-Артур. Это произведение, сходное по жанру с художественно-историческим повествованием Поников-Драбово-Кутискиа, посвящено другому событию русско-японской войны — осаде и падению Порт-Артура.

Книга А. Н. Степанова сразу завоевала широкое признание читателей. Уникальность исторического повествования построено на лёгком знании фактов и документах описываемой эпохи. Наряду с вымышленными персонажами в книге выведены реальные герои портургурской обороны. А. Н. Степанов показывает героям защитников крепости — русских воинов-солдат и моряков, преданных генералам-командирам, чья изменчивость из невольничеству состояла.

Ниже мы печатаем воспоминания А. Н. Степанова о жизни в осажденном Порт-Артуре и его участии в обороне крепости.

мне приходилось вставать в 6 часов, чтобы поработать вокруг Золотой горы в артиллерийский городок, расположенный у входа во внутреннюю гавань. Там, у артиллерийской пристани, нас, школьников, ожидал паровой катер-баржа, который и доставлял пассажиров к Новому городу. Оттуда уже недалеко было и до школы.

Моя одноклассники почти все были сыновья офицеров, чиновников, служащих. Среди нас был один китайец Ваня Тифонтой, сын городского головы. Большинство из учителей служило где-либо и по совместительству вело различные курсы в нашем училище. Так, математику преподавал инженер, русский язык — сотрудник местной газеты «Новый край», физику и естествознание — врач, историей — чиновник морского ведомства. Все они были занятиями на своей основной работе и часто пропускали уроки. Мы, конечно, этим были весьма довольны и немедленно разбегались по горю.

Особенно нас привлекала торговля порт, где всегда стояло много иностранных кораблей. В порт у матросов за гривенник можно было купить апельсин, колбасы, за двугривенник — живую обезьянку и буквально за гривен — связку сухих бананов, ананасов, грават, кокосов, мадагаскар и других тропических фруктов. Вообще порт был для нас самым интересным местом, где мы пропадали целые дни, мечтали стать корабельниками и обещали всем мир.

Воскресенья отца перевелся с Электрического Угёса командиром на Суворовскую мортирную батарею, расположенную на Тигровом Хвосте. Оттуда было гораздо ближе до Нового города, куда было только пересечь бугор.

Декабрь шестого января старого стиля 1904 года пришлось на понедельник, а это, как известно, день тяжёлый, особенно для школьников. Я умудрился свалиться за один день кося по физике и дословно за неделю жванного стихотворения. Огорённый таким плачевным результатом, я усердно готовился уроки, чтобы на следующий день исправить дурные отметки.

Накануне вестии вечера и собрался ложиться спать. Отец, как всегда вечером, ушёл в казарму, чтобы присутствовать на вечерней переключке, а затем вместе с фельдфебелем вер-

нулся и занялся с ним в своём кабинете обсуждением различных служебных вопросов. Прислушиваясь к их голосам, я заснул.

Не прошло, однако, и часа, как я был разбуден громкими взволнованными голосами отца и матери. В окнах то и дело мелькали зарницы выстрелов, с моря доносилась сильнейшая оружейная канонада. Отец уже торжественно одевался в переднюю. Никаким толком не знал, что происходит, но для всех было ясно, что случился нечто необыкновенное. Я мгновенно вскочил с постели и вслед за отцом выскочка на двор.

Стояла тихая, чуть туманная морозная ночь. До батареи, расположенной на самом хребте Тигрового полуострова, было шагов двести триста. В казармах, неподалёку от батареи, ещё мирно спали солдаты. Когда мы с отцом взобрались на бруствер, то увидели на внешнем рейде всю нашу эскадру. Корабли расположились в три ряда: ближе к берегу стояли броненосцы, мористее находились крейсера и более мелкие суда. Все они ярко освещались огнями, около некоторых были пришвартованы баржи и с них, несмотря на ночь, слышно гудели углы на боевые суда.

Эскадра полыхала вспышками беспорядочных выстрелов, которые то стихали, то вновь усиливались и гремели с бешеной яростью. По морю торпедо было двинулось белое дымное грошевое море. В них то и дело вырываются высокие всплески воды от падения снарядов. В море именно стрелла эскадры, в темноте невозможно было разобрать.

Отца недоумели — прошевелили ли это убежища стрельба или идёт настоящая, боевая. Никак раньше ночью моряки не производили учебных стрельб, да ещё таких отпетых. О войне же никто ничего не говорил и о ней серьёзно не думали.

Вскоре мы с отцом заметили, как дым, у прохода на внутренний рейд, к берегу прикинулся смешанный шум: команды, брань, отдельные крики, толпы бегущих людей, гром аккорных цепей. При свете прожекторов было видно, как на них зачем-то спускают на воду шлюпки. На мачтах кораблей то и дело вспыхивали разноцветные сигнальные фонари, но что они обозначали, никто из артиллеристов не понимал.

Вскоре стрельба затихла, и, видно, что требуется кончалась, отец вместе со мной вернулись домой. Под утро отца разбудили призывания на управление артиллерии немедленно подняться по тревоге солдат и изготовить батарею к стрельбе, так как началась война с Японией.

Вернулся отец уставый, в полной боевой форме: в ремнях, с шапкой, револьвером и биноклем, как он бывал отцу только во время боевой стрельбы. Он рассказывал, что вечером мы с ним как раз и видели момент отражения атаки японских миноносцев, которые подорвали броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» крейсер «Глалауэр» (оба корабля, чтобы не загнать от полученных пробоин, выскочили на мелководье у входа во внутреннюю гавань).

Прибжега солдат и сообщил, что на море к Артуру подходит японская эскадра и прика-

во батарее быть готовой к открытию огня. Отец поспешно на батарею, где уже накопились все солдаты и офицеры. Я улавлял за ним.

Стояло яркое солнечное утро, видимость была прекрасна. Наша эскадра в кильватерной колонне нагнала вью на паравозов и открытому морю. На горизонте в дымке утреннего тумана чуть проступали силуэты японских кораблей. Вскоре на голомном японике нашей эскадры, броненосце «Петропавловск», ярко вспыхнул золотисто-зелёный огонь двадцатишестидесяти орудий передней башни, и тяжёлый грохот выстрела потряс водою. За «Петропавловск» открыли огонь и другие суда. Около японских кораблей появились чуть заметные за дальностью всплески от падения снарядов.

Японцы не замедлили открыть ответный огонь. В воздухе появились белые иррадирующий салют летящих снарядов, и за Тихоокеаном, на внутреннем рейде, высоко задымил ствол башни. За первым выстрелом последовали другие, воздух наполнился грозной боевой музыкой. Постепенно открылся огонь броненосца батареи. Слева всё окутался порохом дымом Электрический Утёс, прассе стреляя батареей Белого Волка.

Японцы усиленно обстреливали город, внутренний рейд и наши повреждённые ночью корабли. Бой продолжался около часа, затем японцы отошли в море, а наша эскадра вернулась в порт. На батарее, у орудий, остались дежурить солдаты и офицеры. В этот день я не поехал в школу, чем был весьма доволен.

Так началась русско-японская война. Первое время война велась только на море и преимущественно по ночам: японская эскадра не рисковала днём близко подходить к крепости. Занятия в реальном училище продолжались ещё с месяц, а затем прекратились, так как учителей призывали в армию, а многие ученики вместе с родителями уехали из Аргура в Россию.

Когда японцы высадились на Лиюудынский полуостров в апреле 1904 года, мать с братом и сёстрами покинули Аргура. Я должен был тоже уехать с ними, сел в поезд, но на одной из ближайших станций — Ичэндань — паром отстал от поезда и вернулся к отцу в Аргура. За это он меня строго наказал. Но уехать из Аргура я больше не мог: он был уже отрезан от России японским десантом.

Когда японцы подошли к крепости с суши, отец перебежал на сухопутный фронт командиром батареи Малого Ораниног невода. Здесь отец пробыл несколько месяцев. Я находился с ним на батарее, передавая его приказания, проверяя правильность установки прицела и «кварцита», так как в большинстве снарядов были неграмотны и часто ставили прицел неверно. Бежал я и по прозванию, когда развёлся телефонная связь. Конечно, часто приходилось бить под обстрелом. Сначала меня очень пугали разрывы снарядов, и я всё время сидел в

ближние, боясь выслушать оттуда голову, но затем понял, что далеко не всякий снаряд убивает или ранит, и стал меньше обращать внимание на разрывы.

Мой отец, как многие старые артиллеристы, был гурманом от стрельбы и не слыхал шума летящих пуль. Под самым сильным ружейным обстрелом он спокойно стоял, закурявая папиросу. Это создавало ему смутно необычайно храброго человека. Но когда отец замечал грохотную ему опасность, то начинал нетерпеливо ходить взад и вперёд по брустверу батареи. Как-то я спросил: неужели он не боится, что его убьют или ранят?

— Конечно, боюсь! Если бы не боился, то спокойно стоял бы на месте, — ответил он.

С каждым днём осыпая питание гарнизоном становилось всё хуже, не хватало жиров, овощей, мяса. Кроме того японцы захватили водопроводный рудник и лишали Аргура хорошей питьевой воды. Пришлось пользоваться водой из грунтовых колодезев, которые были очень загрязнены. Всё это привело к развитию в гарнизоне дисентерии, тифа, цинги. Замбол дядейтерий и отец. Его поместили в один из заразных госпиталей, а оказался фактически беспризорным.

От потерь и болезней гарнизона крепости редели всё больше, и работам в тылу привлекались солдаты, которые едва оправались от ранения и болезни. Вскоре нам, подросткам, пришлось помогать возозвоним при развозке воды по формам и укреплению. Вода доставлялась тогда по ночам в двадцативедёрных бочках, которые перевозились парой осликов, впряжённых в маленькие четырёхколёсные тележки. Днём мы должны были вычищать и мыть бочки, наполнять их свежей водой и в сумерки доставить к определённому месту, откуда уже солдаты везли их на форты и траншеи, здесь же мы подкаждали их возвращению. На каждом из нас также ждала опасность смотра за парой осликов, кормить их, чистить и запрягать.

Я назвал своих японцев «Варья» и «Кореев» в честь героев погибших в бою с японцами в Чемулово русских кораблей. «Варья» был побольше, посылнее и поленнее, «Кореев» поменьше, но более старательный. «Варья» отличался особым упрямством. На покушания или побой, ни какоства на него не действовали. Он боялся лишь холодной воды. Стоило плеснуть на него, как ослик сразу становился покорным.

Самых солдат не брали как с собой на передовые позиции, но иногда мы выпрашивали разрешение идти с ними. Постепенно это стало обычным, а затем позволю себе цинком поучули нам.

Я доставлял воду на участок от батареи «Литер». Вь до форты номер два. Объяв я обычно называл «литер», как солдаты называли «Литеру», оставал там несколько эдебер воды и затем ехал вдоль фронта приносив около полутора километра, разливая по дороге воду стрелялам и артиллеристам. Мне

приходилось ехать по дороге, укрытой от японцев высоким бруствером, который назывался китайской стеной. В темноте едва по ней не представляла большой опасности, хотя над головами слышались пули и осколки снарядов. Но я был уже обстрелен и не особенно яб боялся, зато осли, особенно «Варья», страшно пугались близких разрывов снарядов, и тогда с великой труднотю бежал в сторону башни. Когда же снаряд был в хорошем настроении, то слышался яростный его отчаянный рёвом, что вызвало усиленный обстрел со стороны японцев. Как мя и был снй обстрел, так и я как мя старались замкнуть ему насть ружиком, он продолжал строгить воздух отчаянным рёвом.

Однажды в такой критической момент неподалёку оказался генерал Копрятенко. Его отец издавал солдатскую газету, а в которой для переводов широко применялись, и поэтому ослиный взрыв был хорошо известен генералу. Он посоветовал нам привязать хороший груз к хвосту «Варья». Когда осли рёвом, он не сможет задирать хвост вверх. Если же он, он может задирать хвост, то не станет и рёвуть. Так мы и сделали. Сколькю «Варья» из торопился к хвосту, но так и не мог избавиться от подпрыгивания и шуму карпыча и всё себя совсем твкко.

В начале ноября около дома, где я жил, упала однанадцатидесятидюймовая японская бомба, домик развалился, а мне повредили обе ноги. Меня отранили в больницу Красного Креста. Там ноги положили в гипс. Неподалёку лежал было ослик томительно, а иногда и страшно, и я усиленно обстреливал наши госпитали, добывая раненых. Летчик меня доктор Сергей Романович Миротворцев (он теперь стал профессором-ортопедом, заслуженным деятелем науки и работает в Саратовском медицинском институте) и доктор Тихоокеанский, который ныне занимает должность главного врача в Ворошиловградской железнодорожной больнице. Я и поныне с глубокой благодарностью вспоминаю их.

Выпелася из больницы, я уехал на осле из батареи бухты Белого Волка, где находился отец.

Второго декабря на форту номер два был убит генерал Копрятенко, которого называли душой русского флота. Через две с половиной недели после этого — 20 декабря (по старому стилю) — генерал Стесель сдался на капитуляцию, хотя крепость ещё могла продержаться ещё два-три месяца.

Это были страшные дни для Аргура. Вевором 19 декабря начался взрыват укрепления, стоявшие в порту суда, связав с порохом и снарядами, сжигали всё, что только могло гореть. Ничь выдалась тонкая, ажкожия, на лебо похлыало кровано-красное зерно пожаров, беспрерывно грохотали оглушительные взрывы.

Все были крайне удручены садечей и объявлен Стесель в предательстве.

Двадцатого декабря в явину вошла в Аргура. Он ещё несё был в дыму от пожаров и продолжалсясь взрывом.

Двадцать третьего декабря русский гарнизон ухотился из Аргура в Далинь, чтобы оттуда на пароходах отправиться в плед в Японию. Офицеры, по желанию, могли вернуться в Россию, дав подласку не воевать против японцев в эту войну. Но большая часть офицеров решил вместе с солдатами перебраться все трудности пребывания в гаеву. Отец тоже пошёл в плед. 21 января 1905 года я приехал в японский город Нагасаки. Здесь мы простались с отцом: он оставлен в Японии, а я вместе с большими артиллерийскими орудиями в Россию. По дороге мы побывали в Шангае, Маниле, Сингапуре, Коломбо, Джамбуге, Порт-Саиде. Константинополье в приехали 8 марта в Одессу, где меня встретили мои родители.

Так в течение полутора лет прожия в отдалённой русской крепости на Тихом океане. Если позволит здоровье и силы, то быть может, я чиншую это время поподробнее специально для читателей.

Я очень желаю вновь на старости лет посетить далайня, но близкий моему сердцу Порт-Аргура, чтобы поклониться праху героев, погибших при его обороне, и обнажить голову перед их могилью, сказать:

— Здесь честно ладась ваша русская кровь.

Порт-Аргура.

(Со старинной картины.)

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер спорта

Чемпионы лыжны

из ПРОШЛОГО лыжного СПОРТА

...Два лыжника-спортсмена из семьи Скуе, владельцев дома в Сокольниках, увлекались прогулками по снежному бездорожью в роще. С собой на прогулку они брали молодого дворника Павла Бычкова: он должен был охранять их в лесу. Дворник оказался талантливым «голодом» в лыжном спорте: с помощью баруков он был записан в Общество любителей лыжного спорта, или, как называли его спортсмены, «Олеуса». На первом розыгрыше аэросессийского первенства по лыжам Павел Бычков стал чемпионом страны.

Розыгрыш проходил в теплую день; термометр показывал почти ноль градусов. На старте выстроились в шеренгу 14 лыжников — 12 москвичей и по одному представителю от Петербурга и Нижнего Новгорода. На лыже смонтированы подвесы: дистанция от этого была очень тяжелой. Гриднактиометромный маршрут проходил по открытому Холмскому полю к Окружной дороге, затем через Московскую к саду Тюшников и обратно. Павел Бычков первым закончил дистанцию — за 2 часа 26 минут 47 секунд.

Событие это произошло в 1910 году, откуда и берет свое начало хронология двадцати двух первенств страны. До Октябрьской революции аэросессийские чемпионаты проводились четыре раза. Бычков выиграл первенство и в 1911 году. В следующую зиму также чемпионом России оказался Александр Немухин, в 1913 году — Николай Васильев.

Так назывались розыгрыши первенств по лыжам. Но возникло

время лыжных спортивных организаций и появилось первич лыжников в Москве и Петербурге отнеслось к более раннему времени, примерно к 1880 году.

Ровно 50 лет тому назад в Москве был создан Московский клуб лыжников, избравший своей резиденцией здание царского павильона на Холмском поле, в Петровском парке. Учредителя «Импульса» впоследствии, пожелавшие вести спортивную прогулку и зимой. Примером называ-

Заслуженный мастер спорта
Зоя Болотова.

интереса мастера одновременно в этих двух областях является заслуженный мастер спорта Александр Федорович Федорова-Ильин — чемпион России по велосипеду в 1900 году и первый лыжник страны в 1905 году.

28 января 1896 года на Холмском поле состоялся первая лыжная гонка. В Петербурге впервые призовую лыжню проложили 2 марта 1897 года. Однако петербургская лыжная участие в этом событии только как зрители. Гонщиками были иностранцы.

Помимо крупнейшей спортивной организации «Олеуса», на берегу Москвы-реки, на Воробьевых горах, обособилась Московское общество горнолыжного и водного спорта — «Мозилья». В московских Сокольнических существовал Сокольнический клуб лыжников («Эскаль»), в другом конце города — Импульсский клуб спорта. Сивашская популярность и некоторые дилетантские, как например, Футбольно-информационный кружок спорта. Вот эти спортивные организации и подвигали начало лыжному спорту в России. Отсюда вышли многие наши

Николай Васильев (слева) и Александр Немухин.

Участники лыжного перехода Москва—Осло (слева направо): Б. Делитнев, А. Немухин, Д. Васильев и В. Сиваш на стадионе в Стокгольме (1927 год).

ДИСТАНЦИИ, МИНУТЫ, РЕКОРДЫ...

✳ Наибольший сезон богат состязаниями лыжников. Самое многолюдное соревнование — традиционный профсоюзно-комсомольский лыжный кросс. Он будет проводиться с 18 по 25 февраля. На Угурских горах под Свердловском состоится всесоюзное лыжное первенство. Предстоит также колхозные лыжные гонки, спартакиада профсоюзов и другие соревнования.

✳ Наибольшее число побед на всеобщих первенствах по лыжам имеет Дмитрий Васильев (Красная Армия). Звание чемпиона СССР ему присуждалось восемь раз. По три первенства выиграл динамовцы Василий Смирнов и Алексей Добрынин. У женщин на первом месте Зоя Болотова: она завоевывала звание чемпионки СССР пять раз. Мария Погонова выходила победительницей на всеобщих первенствах четыре раза, Антонина Пеленева — три раза.

✳ Лучшее время на дистанции 5 и 20 км принадлежат Алексею Добрынину: 17 мин. 53 сек. (1944 г.) и 1 час 17 мин. 5 сек. (1941 г.). Наивысший результат в гонке на 10 км достигнут А. Доскоковым — 38 мин. 25,2 сек. (1928 г.), в гонке на 30 и 60 км Дмитрием Васильевым — 1 час 56 мин. 42 сек. (1925 г.) и 4 часа 31 мин. 50 сек. (1925 г.), на 50 км. Василием Смирновым — 9 часа 16 мин. 55 сек. Это лучшие результаты, достигнутые нашими лыжниками до 1945 года.

✳ Рекорд в прыжке: с трамплина — 82 метра — установлен в 1940 году двенадцатилетним Константином Куаршиным.

знаменитые мастера спорта, сейчас маститые мастера лыжного спорта.

Семью полувеков современники у московских лыжников была гонка вокруг Москвы, знаменитая официальное звание зимнего сезона. Первые эту гонку провела 27 февраля 1911 года. Дистанция в 70 вёрст была разбита на шесть этапов. Судьи определяли только старты и финиш: этапом: лыжно маршрут прокладывал сам лыжник, выбирал любой путь между двумя точками, где происходила смена эстафет. Это была гонка «на самостоятельность», на хитрость. Ее не раз проиграл Павел Бычков, которого «Олеус» обычно ставила на финишный этап — Сокольники — Петровский парк. Бычков принимал эстафету и начинал путь от Сокольнического круга по Лунинскому проспекту к Отстанкину. Но, скрывшись от зрителей, он незаметно сворачивал к Камер-Коллежскому валу и шел вдоль хорошо ему известных железнодорожных веток, сокращая дорогу на добрых пять километров. К финишу Бычков появлялся со стороны Белорусского вокзала, а его со-

Чемпион СССР по лыжам
Валентин Матюшков.

порники—со стороны Всевысшего.

Нашумевшим событием был переход четырёх лыжников «Океана» — Александря Нематина, Михаила Готельмана, Захарова и Александра Елизарова — из Москвы в Петербург, совершённый ими в 1911 году. Этот путь проделали в 12 дней в 8 часов 22 минуты. Путешествие сопровождало необычайными приключениями. В некоторых местах лыжники видели зверей и приваляли их — являлись (поход совершался в день Рождества), открыл им путь лодышка.

Но самым удивительным в спортивной жизни «четырех лыжников мушкетеров» был их второй переход в том же составе к маршруту Ленинград — Москва, совершённый через 25 лет. Старики «стариками», лыжники те же менее знакомия переход почти на четверо суток быстрее.

Позже Вышкова и Нематина прорывкой лыжниками на дистанции завладели братья Николай и Дмитрий Васильевы.

Старший из них, Николай Васильев, сделавший чемпионской России в 19 лет. Он был рекордсменом стайером. Семь раз он принимал гоноку на 75 километров по маршруту Звенигород — Москва. Николай Васильев много раз встречался с иностранцами-лижниками.

Встречались с португальскими инженерами — кораблестроителями и строителями набережных и пристаней.

Васильевым открыл, что в их поселениях и орошениях огромные пространства. То есть, то там с невероятной скоростью разрушаются водозонные сооружения. Несомненными антропогенными факторами являются изменение водности и особенности верхние водозон, которые являются настоящей грозой водозон, молнии. Инженеры получили связь между этими разрушениями и своими работами, но никто толком не знал подробностей о верхних водозонных пространствах. То есть, там водности, кислые условия для них благоприятны или губительны.

Мастер спорта В. Хрицкий.

Однажды в гонке на 60 километров его доконтрактант был два канавышней финской лыжника. Гости шли одолаживаемым отчаянием, Васильев применял маневры русской ход. Одного из него вытолкнул, сломав уперство русского спортсмена сразу своё. Васильев дожал ипотери и выиграл у них 7 минут. Оба Васильева конвоировали с мирными чемпионом — братьями Никса и Таза.

С 1924 года на лыжне заблестела звезда Дмитрия Васильева. Он неоднократно выигрывал первенства страны, тридцатидесять раз был чемпионом Москвы. После того, как Дмитрий Васильев в 1940 году в восьмидесяти километровой дистанции чемпионом СССР, лыжная перестройка перешла к третьему поколению советских лыжников. Среди них Герой Советского Союза Владимир Мягков, Василий Смирнов, владеющий одним из самых высоких рекордов по лыжам на дистанции 50 километров — 3 часа 16 минут 53 секунды. — Алексей Добрынин, Алексей Карагов, Алексей Рукалов, Алексей Иванов и Василий Григорьев. Все они чемпионы СССР.

Инок. А. Морозов

Ветеран Терентий Иванович Вяземский мечтал о далёких островах где нет зимы, где расцветают экзотические растения жарко придуваны для искателей приключений. А судьба забрала арца Вяземского в Крым, где от посылки себя в экспедицию, которую, по которому писал, что оно самое бедное, самое неинтересное из морей России.

Здесь Вяземский впервые узнал настоящую зиму. Он писал: «Рыбаки чаще всего шли толпу в море или сравнительно молодыми умывали от пера жарда, давшему на веслом, кобы, смерть гонится за берком».

Вяземский полюбил ездить с рыбаками в море. Он хорошо научился ориентироваться по звездам и убедился, что рыбацкая удача зависит от множества случайных факторов. С удивлением доктор понял, что рыбаки, в сущности, не знают моря, что этим мужественным людям необходима помощь специалиста, изучающего море.

Встречались с португальскими инженерами — кораблестроителями и строителями набережных и пристаней. — Вяземский открыл, что в их поселениях и орошениях огромные пространства. То есть, то там с невероятной скоростью разрушаются водозонные сооружения. Несомненными антропогенными факторами являются изменение водности и особенности верхние водозон, которые являются настоящей грозой водозон, молнии. Инженеры получили связь между этими разрушениями и своими работами, но никто толком не знал подробностей о верхних водозонных пространствах. То есть, там водности, кислые условия для них благоприятны или губительны.

Иногда многих русских врачей связывали с изучением моря. Все время долгие кругосветные плаванья собирала водозон, рыб. Вяземский никогда не служил в флоте. Но, пути, он говорил: «Я больше ещё не изученной больно». Её емятом — шепотомными тити ж морской воде».

Вяземский описывал, что, когда жили одним человека саником мол, чтобы изучать загадочное и прекрасное Чёрное море со всеми его обитателями и с его старыми исследователями состава морской воды, наблюдать за её цветом, соленостью, плотностью, изучать водность, животных, рыб.

От моря, избранного Вяземским, только несколько километров до курорта Котельное. Но трудно во всем Крыму найти больше красивого уголка. Простынный берег образуется чёрной громадой

Карагага — древнейшего потухшего вулкана, отнесено уходящего в море. Здесь чувствуется не просто берег, а край суши, а именно разуряемый волнами и ветром борющийся с ними. Вперед море до самой Малой Азии. И всё, с чего волны разуряются, это отныне далеко, или ампонт слова: обломки додок с остатками найдены на многих концах мира, спадательные ютки с плавающим паролками, которые больше не увидит ни один зор, мячи, обранные сетей с грубыми проволочными полками. Недаром в 1888 году отсюда далеко, или ампонт сильного шторма повсталла гранитную пирамиду-памятник. На стороне, обранной к морю, как постоном, обранные, высечены были только две строки: «Рудольф Николай Изинов и четырнадцать неизвестных».

Но для биолога зор, отрянувший все внимание на исключительные интересы. Тут нетем не загрязнение «настоющее» Чёрное море с его наиболее характерными обитателями. Имена бухтин, отомашивших у подножья Карагага, представляют собою аквариумно-заповедник, в которых можно разглядеть плавающие морские водоросли. Вода здесь прозрачна и чиста — до изюна на глубине многих метров. Сияя в локсе, можно часто наблюдать, что делаются обитатели моря.

Постройку Карагагской биологической станции Т. И. Вяземский начал в 1937 году. Сразу же встретился с большими трудностями, другой человек отказался бы от непосильной задачи. А Вяземский стал бороться. Он сам проектировал, сам набрал и строителей, сам и камни и другие грузы застрелил на пути на строительную площадку. Вяземский работал, работая, перетаскивал их на руках. Он научился класть егип, делать плиточные работы. Но постоянно не хватало денег. Он вынужден был всё своё имущество и добытую сумму впустил на строительные работы. Заработок врача, небольшие средства, собравшиеся друзья, помощь Вяземскому, таила, не оказывая заметного эффекта. Поэтомем строительство совершенно замерло на четвертом фундаменте возрастат травой.

Сердцем станции должен был стать аквариум величественно с большую залу. В Вяземский сам ретил и рисовал, как будет выглядеть бетоно-стеклянный «коло», население которого пока ещё решительно неизвестно. Вяземский в который был закончен фундамент аквариума. Вяземский считал одним из самых счастливых дел своей жизни. Теперь оставалось как будто нетипично, и в ображении доктора описал описал уже готовый чудесный карагагский аквариум.

Вяземский считал, как тутнет весь близлежащие широкие лисы морского салата и тонкие веточки красной лагуницы перелетали в лисы. Вяземский сам егип стелбами «колоз утолщением». Голубиное выигнув шес, плывут корольские, соробратни, и плывут корольские соробратни, особая яркость которых всегда превышает шторм, крадутся уродливые крабы-пауки, чмусоренные чмусоренные утолщением, которые все обресе в бедной полове.

В деятельности в разорение исследователя была только биологическая и орошения горных склонов, а также всякая посуда, где копилась почти микроскопические существа, населяющие море.

В изобилии на морем, в лабораторных трудах, посвящённых изучению Крама, доктор Вяземский выдвинул утверждение в эти труды, что в Чёрном море нет ни так и не увидели. Он умер, не дожидаясь осуществления своей мечты. Но сделано было много, и в Чёрном море появились учебные заведения, появились участки, замечательного участка в Карагаге море. Пожертвовав всем: здоровьем, временем в жизни, доктор ещё успел пережить в Чёрном море, а также в Чёрном море, — Вяземский создал необходимую базу для начала научных работ Карагагской биологической станции: жилища для персонала, помещения для лабораторий, музей, редкую библиотеку, целиком посвящённую морю, — в ней было саники.

Своё детство Вяземский в 1914 году провёл в маленьком же Мозейском обществе содействия искусствам и наукам. И с этих пор считается началом работы Карагагской биологической станции. Много важных работ провёл здесь, уходя на пенсию тридцати лет. Но настоящего расцвета станция достигла в последние годы пера Отечественной войны.

Путь над морем подыало новое здание. Когда сморщилась балкона, тнувшегося вдоль фасада, кажется, что находилась на борту корабля, который вот-вот сменится с якоря и поплывёт по волнам... В нынешнем здании построили остроумно сконструированный аквариум. Чмусоренные дорские приборы, электрические приборы. Станция дала автомашины, мощные моторные катера. И выдвинула на первый план, к которому стремился ещё Т. И. Вяземский: главная задача станции — помочь освоению Чёрного моря, облегчить труд рыбаков, вызвать их интерес к более продуктивному.

Т. Карагагская биологическая станция провела инвентаризацию населения Чёрного моря. Это самая настоящая инвентаризация, которой не удалось избежать ни странному существам, познанием морского населения. Это был случайным гостем Чёрного моря, вроде медуз-рыб, ни травом, которые попадают у руки коллекционера только после сильнейших штормов.

Богатство моря определяется его планктоном — миром бесчисленных крошечных организмов, плавающих в воде. Это они обеспечивают жизнь моря, являясь основными кормовыми ресурсами для рыб. Карагагская станция на основании наблюдений и экспериментов смогла впервые доказать, что утверждения о бедности Чёрного моря неверны. По богатству планктона оно превосходит многие другие моря. Это они обеспечивают жизнь моря, являясь основными кормовыми ресурсами для рыб. Карагагская станция на основании наблюдений и экспериментов смогла впервые доказать, что утверждения о бедности Чёрного моря неверны. По богатству планктона оно превосходит многие другие моря. Это они обеспечивают жизнь моря, являясь основными кормовыми ресурсами для рыб. Карагагская станция на основании наблюдений и экспериментов смогла впервые доказать, что утверждения о бедности Чёрного моря неверны.

Немалая заслуга принадлежит станции и в изучении водозонных рыб. Это они обеспечили спомощи из исследований и лова, в разработке ряда других вопросов освоения одного из самых богатых и красивых «студий» морей — Чёрного.

Ответственный редактор — Борис ВОЛЕХОВ.

Цена 2 руб.

На тренировке.
Фото Г. Борисова